

Р 10874/4

ХСЗ. ЧАБ

П24

АДЕМИЯ НАУК СССР

УЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА Кавказоведения
ИМЕНИ АКАД. Н. Я. МАРРА ПРИ ЗапЦИК

вып. 3

М. М. ИВАЩЕНКО

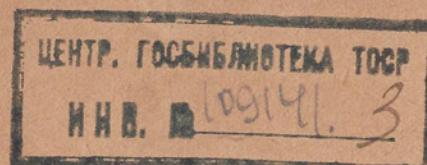
ИССЛЕДОВАНИЕ
АРХАИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
В
АБХАЗИИ

ТИФЛИС
1935

63.4(545x)
H21
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

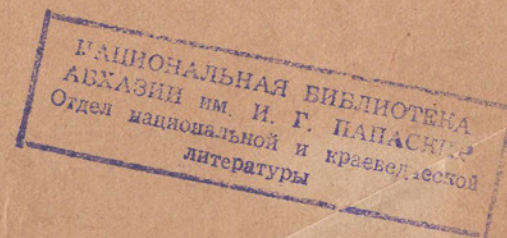
ИЗВЕСТИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
КАВКАЗОВЕДЕНИЯ и.м. акад. Н. Я. МАРРА при ЗакЦИК, вып. 3

М. М. ИВАЩЕНКО

ИССЛЕДОВАНИЕ
АРХАИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
В АБХАЗИИ

5108744

ТИФЛИС

1935

154-26-III.02

ИССЛЕДОВАНИЕ АРХАИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В АБХАЗИИ.

В течение XIX и начала XX века в Абхазии побывало не мало как специалистов-археологов, так и просто любознательных путешественников, интересовавшихся археологией. Среди них можно назвать: Дюбуа, Муравьева, Броссе, Бакрадзе, Уварову, Павлинова, Сизова, еп. Леонида (Кавелина) и Миллера.

Из них: Муравьев¹, Броссе², Бакрадзе³, Уварова⁴, Павлинов⁵ и еп. Леонид (Кавелин)⁶ исследовали почти исключительно христианские памятники и совершенно не касались памятников архаических.

Дюбуа тоже обследовал главным образом христианские памятники. Его выводы об античной эпохе в Абхазии основаны главным образом на письменных источниках и теоретических соображениях, причем, приняв Келасурскую стену — памятник

¹ Муравьев. Грузия и Армения. Три части. С.-ПБ. 1848.

² Brösset. Rapports sur un voyage archeologique dans la Géorgie et dans l'Arménie exécuté en 1847 — 1848. 3 Vol. S.-PБ. 1849 — 51.

³ Бакрадзе. Д. Очерк Мингрелии, Самурзакани и Абхазии. — „Кавказ“, 1860, № 48, 49.

Его же. Кавказ в древних памятниках христианства. — Зап. Общ. Люб. Кавк. Арх. Кн. I. Тифлис. 1875.

Его же. Археолог. исследов. в Сухумск. округе. Доклад о действиях И. Арх. Ком. 1882 — 1888 и др. работы того же автора.

⁴ Уварова П. С. Путевые заметки. Кавказ. Абхазия, Шавшетия и Посховский участок. — МАК, в. II. М. 1891.

Ее же. Абхазия. Христианские памятники. МАК, в. IV. М. 1894.

⁵ Павлинов. Экспедиция на Кавказ в 1888 г. Путевые заметки. МАК, в. III. М. 1893.

⁶ Еп. Леонид (Кавелин). Абхазия и ее христианские древности. М. 1887.

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный секретарь академик *В. Волин*

Главный Редактор акад. И. И. Мещанинов.

Редактор издания проф. Г. Б. Пичикиан.

Сдано в набор 20.XI.1934. — Окончено печатанием 1.IV.1935.
Формат бумаги 62 X 94 см — 51/2 печ. листов.
Число тип. зн. в 1 п. л. 40.000. Зак. № 681. Главлит № 1308. Тираж 1000.
1-я тип. Сахелгами. Тифлис. Плехановский пр., № 91.

феодальной эпохи—за античную, он пришел к неверным выводам о местонахождении Диоскурии, чем и ввел в заблуждение многих последующих исследователей¹.

Сизов² первый из исследователей предпринял изыскания в области памятников античной эпохи, произведя раскопки античных культурных слоев в Сухуме. Он же первый сделал попытку, правда—безрезультатную, по исследованию архаических памятников Абхазии.

А. Миллер³, побывав в 1907 году в Абхазии, обследовал замковищи, остатки храмов в Цебельде и некоторые другие памятники. Между прочим, в своем отчете Миллер поместил снимок с бронзового топорика, виденного им в с. Ачандарах, но без всяких комментариев. Топорик, несомненно, кобанского типа.

Список исследователей, в той или другой мере интересовавшихся памятниками древностей Абхазии, можно было бы пополнить еще более, например, М. Селезевым, А. Н. Дьячковым-Тарасовым и многими другими, но никто из них ничего не сделал в области исследования архаических памятников.

Интересовались древностями Абхазии и местные любители археологии, в числе которых можно назвать В. И. Чернявского⁴, А. Н. Введенского⁵ и К. Д. Мачавариани⁶, но и они в этой области не дают чего-либо существенного.

¹ Dubois de Montpéroux. Voyage autour du Caucase, du les Tcherkesses et les Abchases, en Colchide, en Géorgie et Armenie. Paris. 1839.

² В. Сизов. Восточное побережье Черного моря (археологическая экскурсия).—МАК в. II. М. 1889.

³ А. А. Миллер. Разведка на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году. Изв. ИАК, т. XXXIII. СПб. 1909.

⁴ В. Чернявский. Записка о памятниках Зап. Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно.—V Арх. съезд в Тифлисе. Тр. Предв. Ком. М. 1882.

Его же. Из исследований в юго-западном Закавказьи.—Изв. И. Р. Г. О., т. XIII, в. 5, стр. 330. СПб. 1878.

⁵ А. Н. Введенский. Замечания на записку Чернявского.—V арх. съезд в Тифлисе. Тр. Предв. Ком., стр. 126. М. 1882.

⁶ К. Д. Мачавариани. Описательный путеводитель по гор. Сухуму и Сухумскому округу. Сухум. 1913.

В. Чернявский, который лет 50 прожил в Сухуме, несомненно имел возможность ознакомиться с архаическими памятниками Абхазии, но его наблюдения не опубликованы, а то, что опубликовано—настолько сбивчиво и настолько осложняется фантастическими теориями автора, что пользоваться данными Чернявского нет возможности.

Такое печальное положение исследовательской работы в дореволюционное время в области изучения архаических памятников Абхазии объясняется не только указанными выше причинами, но имеет и свое особое объяснение. У ряда научных работников сложилось предвзятое мнение, что вообще архаических памятников в Абхазии нет и что искать их там не приходится.

Уварова, устанавливая южную границу распространения дольменов у Сочи и р. Шахе, говорит, что в Абхазии о дольменах никто ничего не слышал и там их никогда не было. В. Чернявский, правда, думал, что они были в Абхазии, но уничтожены.

В. Сизов, не найдя в могильниках Черноморья аналогии с осетинскими могильниками, писал¹: „Вообще можно заметить, что характерные формы бронзовой культуры Осетии кобанского типа не проникли в приморскую область“. Факт этот Сизов объясняет тем, что эта область, „отделенная горами от сев.-вост. областей Кавказа и находясь близко от моря, подчинялась влиянию других народностей“.

Более обоснованно высказывал свое мнение А. Миллер. Основываясь на известиях классических авторов о способе погребения, практиковавшемся у древних колхов (подвешивание покойников на деревьях) и привлекая некоторые данные из области абхазской этнографии, А. Миллер пришел к неверному заключению, что древних могильников в Абхазии вообще нет.

К этому вопросу нам еще придется вернуться при рассмотрении погребений в урнах.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что в дореволюционное время никакой работы в области изучения архаических памятников Абхазии не велось и даже о существовании их не было известно.

¹ В. Сизов. МАК, в. I, стр. 173.

После установления в Абхазии советской власти положение изменилось. В короткое время после него вышло в свет три работы по истории Абхазии¹. Организовалось Абхазское Научное Общество, Гос. Музей Абхазии, Комиссия по охране памятников старины, природы и искусства и, наконец, Научно-исследовательский Институт Краеведения, объединивший функции Абхазского Научного Общества и Академии абхазского языка и литературы.

Все эти молодые организации внесли свой вклад в дело исследования архаических памятников и им удалось получить ощутительные результаты.

Из лиц, так или иначе способствовавших этой задаче, необходимо назвать Пред. ЦИК'а Абхазии Н. А. Лакоба, б. Наркомпроса Абхазии С. Я. Чанба, заместителя НКПроса и Председателя Комиссии по охране памятников А. М. Чочуа, б. директора Гос. Музея Г. П. Барача, б. Председателя Абх. Научн. Об-ва И. Н. Маргания и членов АБНО и Комиссии по охране памятников Д. И. Гулия, С. М. Ашхацава, С. П. Басария, Б. И. Стражева, А. Л. Лукина, М. И. Галашевского, проф. А. С. Башкирова и других.

Коллективными усилиями этих лиц не только удалось доказать наличие архаических памятников Абхазии, но и более или менее детально изучить их.

¹ С. М. Ашхацава. Пути развития абхазской истории. Сухум 1925.

Д. Гулия. История Абхазии. Т. I. Тифлис. 1925.

Б. Рудрявцев. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум. 1922 — 1926.

I. ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА.

Попытки отыскать в Абхазии стоянки каменного века были и в дореволюционное время. Соответствующие указания есть у В. И. Чернявского, но они остались без заметных результатов.

В. Сизов производил раскопки в сталактитовой пещере в окрестностях Сухума — в так называемой Михайловской пещере. Здесь под сталактитовой корой им были обнаружены кости пещерного медведя и угли. Более ценных доказательств обитательности этой пещеры Сизовым найдено не было.

В небольшой витрине Гос. Музея Абхазии помещено несколько случайных находок из окрестностей Сухума. Это — кремневый наконечник стрелы, найденный в 3 — 4 километрах от Сухума в Волчьем ущельи, и два каменных молотка, найденных в Сухуме. Один — на горе Чернявского (Самато), а другой — в Ботаническом саду.

Оба молотка сделаны из плотного сероватого камня. Один имеет заостренные концы, а по бокам две сверлины (рис. I-а, I-б и I-в). Другой — с закругленной передней частью и плоским обухом с выточенным желобком посередине (рис. II).

Вряд ли эти предметы можно отнести к неолиту и даже к энеолиту. По своей форме молотки, найденные в Абхазии, очень походят на молотки, найденные в Эларе, Шреш-Блуре и Муханет-тапа в Армении, каковые датируются XI — VII вв. до нашей эры, эпохой Ванского царства¹.

¹ Е. А. Байбуртян. Псевдонеолитические поселения Армении. — Проблемы истории материальной культуры, 1933. № 1 — 2, стр. 39 — 42. Л. 1933.

Кремневая стрела также не производит впечатления большой древности.

В Абхазии имеется огромное количество пещер, среди которых многие представляют все удобства для обитания первобытного человека.

Трудность исследования пещер Абхазии заключается в том, что большинство их сталактитовые и имеют дно, покрытое ста-

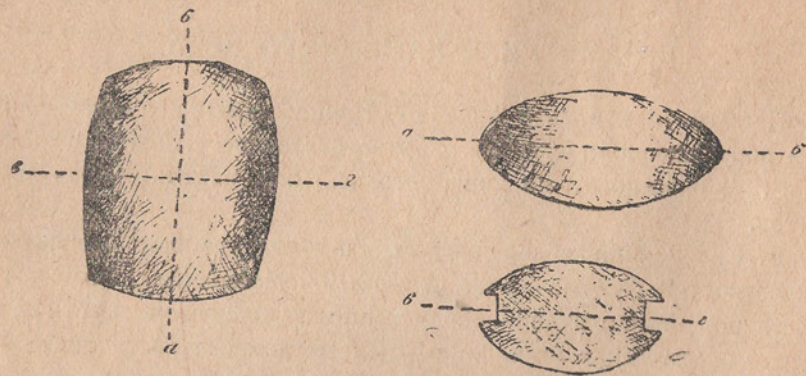

Рис. I-а, I-б, I-в.

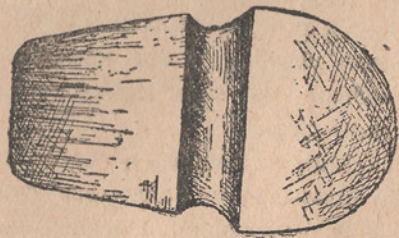

Рис. II.

лактитовой коркой. Корка эта только с большим трудом разбивается киркой, а это, при отсутствии света и тесноте, довольно затруднительно. Кроме того, в Абхазии пещеры часто глубоки и трудно доступны. Добытую при раскопках землю приходится выносить ко входу и там искать каких-либо находок.

Эти условия затрудняют исследование пещер и объясняют безрезультатность предпринимавшихся до сих пор попыток.

Из абхазских пещер, представляющихся наиболее благоприятными для обитания человека, можно указать следующие.

Пещера в сел. Михайловском, в 5—6 км от Сухума. Это та самая пещера, где копал В. Сизов. Вход пещеры направлен на восток. Пещера достаточно суха, сравнительно легко доступна и имеет источник в самой пещере. Хорошо поставленные раскопки в ней могут дать благоприятные результаты.

Грот в Кладбищенском ущельи, в окрестностях Сухума. В противоположность большинству пещер Абхазии, грот этот в конгломерате, а не в известняках. Он совершенно светел и сух. Вода находится поблизости. Расположен на солнечной стороне.

Грот этот осматривали проф. Б. С. Жуков и украинский археолог М. Рудынский. Оба пришли к заключению о возможной обитаемости этого грота. Пробный шурф, заложенный в этом гроте мною и Б. С. Жуковым, был доведен до 1 м глубины. Весь этот слой почти целиком состоял из овечьих копролитов. Повидимому, в течение многих лет грот служил убежищем для пастухов с их стадами.

Пещера Адзаба, в поселке Чартлух, Эшерской общины, в 10—11 км от Сухума. Эта пещера с замечательно красивым входом, с хорошей питьевой водой и сравнительно сухая, также могла быть обитаема человеком.

Исследовавший эту пещеру известный зоолог К. А. Сатунин обнаружил в ней несомненные следы деятельности человека. Между прочим, им найдены следы выплавки какого-то металла, в виде точно неопределенных шлаков. Раскопка камней и щебня на дне пещеры может дать и более древние находки.

Пещера в окрестностях Коман в горе Гумбиху, километрах в 15 от Сухума. Эта вновь открытая обширная пещера, с крайне трудно доступным входом, суха, в начале светла и могла быть прибежищем человеку. Посетив ее одним из первых, я нашел в ней много костей мелких животных — диких котов, шакалов и пр.

Список пещер, которые могли быть обитаемы человеком, можно было бы продолжить, но и сказанного достаточно, чтобы убедиться, насколько обширное поле для исследовательской деятельности археолога представляют пещеры Абхазии.

В Абхазии существует еще ряд пещер, которые были обитаемы в феодальную эпоху, главным образом — монахами. Это — своего рода Уплис-Цихе в миниатюре.

Сюда относятся пещеры в ущельи р. Келасури, пещеры в Цебельде около сел. Полтавского и пещеры в отвесной скале у истока р. Мчиш в сел. Отхара Гудаутского района.

Исследование этих пещер также может дать интересные результаты¹.

II. ПАМЯТНИКИ БРОНЗОВОГО ВЕКА.

1. Дольмены.

Как известно, мегалитические памятники, т. е. дольмены, менгиры и кромлехи, имеют чрезвычайно широкое распространение.

Они встречаются не только в Европе, Азии и Африке, но также в Америке и Океании.

Очевидно, на известной стадии социального развития различные народности сооружали для своих покойников дольмены, там, конечно, где для этого был подходящий материал.

Другое дело — какая была цель сооружения таких громоздких построек. Этот вопрос как будто до сих пор не решен окончательно. Вероятнее всего, что, с одной стороны, в основе лежал древнейший культ мертвых — желание как можно основательнее изолировать мертвецов от живых и не дать им возможности причинять вред. С другой стороны играла роль не менее древняя традиция погребения покойников в пещерах, иначе говоря — замена, по тем или другим соображениям, пещер их подобием (теория Гернеса).

Строительство дольменов относится к самым разнообразным эпохам, начиная от неолита (дольмены Швеции, Франции) и кончая началом железного века (Сев. Африка).

У многих народностей дольмены бытовали очень долго. Некоторые племена Индии (племя Khasius) до сих пор хоронят своих покойников в дольменах. На Кавказе дольмены заменялись дольменообразными гробницами (гробницы на реке Индыш), а затем наземными склепами, до недавнего времени бытовавшими в Осетии, Ингушетии и Балкарии.

¹ Мне известно не менее 100 пещер в Абхазии, из которых многие могли быть обитаемы первобытным человеком.

Подземные дольмены-цисты, служившие для коллективных погребений, заменялись каменными ящиками, также бытовавшими очень долго как на Сев. Кавказе, так и в Закавказьи.

Странный внешний вид дольменов, их размеры и массивность с давних пор привлекали внимание как ученых, так и широких народных масс.

Народ по своему старался осмыслить назначение этих странных памятников и давал им те или другие названия, сообразно своим верованиям и своей фантазии. Во Франции их называли домами фей, в Германии—могилами гуннов, в Испании и Португалии хижинами мавров. На Сев. Кавказе у черкесов дольмены назывались домами карликов, у русского населения—чертовыми хатами, дидовыми хатами и богатырскими могилами.

Наука тоже не сразу разгадала назначение дольменов и долгое время дольмены были известны, как жертвенники друидов.

В настоящее время дольмены более или менее изучены. На территории Советского Союза дольмены изучались: Уваровым, Уваровой, Фелициным, Самоквасовым, Сысоевым, Репниковым, (в Крыму), А. Миллером, Сорохтиным, Луниным, Левицким (Украина), Семеновым-Зусер (Крым), Худяковым и др.

Несмотря на продолжительное изучение дольменов, все же остается еще много неясных и спорных вопросов. Так, еще не разрешен вопрос о назначении круглого отверстия в передней плите дольменов.

Для кавказских дольменов совершенно неясна их датировка. Не выяснено даже точно, в каких пунктах Кавказа они еще сохранились. Очень мало данных о погребальном инвентаре дольменов и т. д.

Поэтому каждое новое открытие в этой области является ценным и полезным.

На Кавказе дольмены известны в б. Кубанской области, в Черноморье, в Ленкоранском районе, Азербайджане. Есть, по видимому, дольмены и в Грузии, в Цалкинском районе, но данные о них еще не опубликованы. К этому списку теперь следует добавить дольмены в Абхазии.

Здесь я не упоминаю о дольменах-цистах и каменных ящиках, так как памятники эти хотя и близки к дольменам, но все же полной аналогии не представляют. Погребения в камен-

ных ящиках распространены почти по всему Кавказу и относятся к разным эпохам—от медного века до феодальной.

На Сев. Кавказе дольмены сосредоточены в бассейнах рек Абина и Афипса, а затем от р. Псекупс до верховьев рек Лабы и Белой. На побережье Черного моря дольмены встречаются, начиная от окрестностей г. Анапы и далее к югу.

Южную границу дольменов, по мере открытия новых групп, приходилось отодвигать все дальше и дальше.

Если Е. Д. Фелицин¹ считал южной границей дольменов р. Псеуапс, то П. С. Уварова² относил ее к рр. Кадошу и Шахе у Сочи, А. А. Спицин³ считал южной границей дольменов уже Гагры, а А. А. Миллер⁴ высказал предположение о возможности нахождения дольменов и южнее Гагр, т. е. в Абхазии. Предположение это впоследствии вполне подтвердилось.

Опубликование В. И. Стражевым⁵ сведений о дольменах в сел. Азанте Сухумского района и в сел. Ачандары Гудаутского района Абхазии позволило окончательно расширить границы распространения дольменов и на Абхазию.

До открытия эшерской группы дольменов было известно о существовании в Абхазии следующих групп дольменов:

Азантская группа у сел. Азанта Сухумского района. Здесь известно три дольмена. Один, сравнительно хорошо сохранившийся, расположен на хребте у озера Амткел в трудно доступной местности (рис. III, IV). Два других, сохранившихся хуже, в самом селении Азанта. Один—на кукурузном поле кр. Афанасиadi, а другой—на табачной плантации кр. Агафангелиди.

Остатков от погребений в этих дольменах не сохранилось. Размеры их приведены ниже.

¹ Е. Д. Фелицин. Западно-кавказские дольмены. МАК, в. IX, стр. IX. М. 1904.

² П. С. Уварова. Несколько дополнительных сведений по вопросу о кавказских дольменах. МАК, в. IX, стр. 175. М. 1904.

³ Проф. А. А. Спицин. Разведка памятников материальной культуры. Л. 1927.

⁴ А. А. Миллер. Разведка на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г.—Изв. ИАК, № 35.

⁵ В. И. Стражев. К азантскому дольмену.—Изв. Абх. Научн. Общ., в. IV. Сухум. 1926.

Рис. III. Азатский дольмен № 1. Вид сбоку.

Рис. IV. Азатский дольмен № 1. Вид спереди.

Вторая группа дольменов находится в сел. Ачандары Гудаутского района. Из этой группы известно три полуразрушенных дольмена. У всех трех сохранились боковые, а у двух задние плиты. Верхние и передние плиты отсутствуют. Нижние плиты есть у всех трех дольменов. Внутри одного из дольменов выросла вековая шелковица.

Все три дольмена расположены недалеко от центра селения Ачандары, на участке кр. Чамагуа.

Эта группа дольменов пока еще никем детально не обследована.

Третья группа дольменов находится в сел. Отхара Гудаутского района.

От этой группы дольменов сохранились только отдельные плиты. Находятся они в центре селения на большой поляне у школы. Часть плит приспособлена под скамьи для сиденья.

Кроме того, по непроверенным сведениям, отдельные дольмены, а может быть и группы их, имеются:

В верховьях р. Джампал, в Сухумском районе, в горной и трудно доступной местности.

В низовьях реки Мчиш (Черная речка), недалеко от моря, в Гудаутском районе.

В селении Бедия, выше Бедийского храма, ранее Гальского, а теперь Кодорского района. Если эти сведения подтвердятся, то граница абхазских дольменов сильно отодвинется к югу, в пределы бывшей Самурзакани, за р. Гализгу.

В русском селении Гомборы около г. Гудауты находят бронзовые предметы, сходные с находимыми в дольменах.

Обнаружение в 1930 году новой группы хорошо сохранившихся дольменов в сел. Эшери Сухумского района позволило пополнить сведения как о кавказских дольменах вообще, так и о дольменах Абхазии в частности.

Первые сведения о существовании этой группы были получены мною от сына моего Олега Иващенко, участника 4-й группы.

Первоначальная разведка была произведена 30 января и 1 февраля 1930 года мною и б. директором Г. П. Музея Абхазии Г. П. Барач. Вторично эта группа была обследована мною 11—13 сентября того же года.

Вновь открытая группа дольменов находится в 20 км. к северо-западу от Сухума, в Верхних Эшерах, в поселке Кюр-Дере, недалеко от речки Шиц-Квары, на участке кр. Карапета Акопьяна и на смежных с ним участках.

В нескольких метрах от моста через р. Шиц-Квару, на самой дороге, у усадьбы Акопьяна находятся плиты от разрушенного дольмена. Плиты частью покрыты землей, частью находятся на поверхности.

Одна, повидимому, часть передней или задней плиты имеет ширину 1,12 м, толщину 0,16 м, длина сохранившейся части 1,78 м. Края этой плиты закруглены.

Вторая плита, вероятно, боковая, шириной 0,98 м, длиной 2,08 м, толщиной 0,29 м. Сохранились следы пазов — около 0,25 м.

Остальные 4 или 5 обломков сильно заплыли землей. На участке К. Акопьяна находится еще одна плита от того же дольмена.

Далее на том же участке расположены цепью 4 сравнительно целых дольмена.

К востоку, уже на следующем смежном участке, был еще один дольмен, ныне совершенно разрушенный.

Втулка от этого дольмена несколько лет валялась у забора Акопьяна, пока в 1929 г. ее не разбили дети.

Еще дальше к востоку в полуверсте от участка Акопьяна была еще группа дольменов. От этой группы сохранились только 2 плиты на участке Крикора Сакарьяна.

На смежном участке, брата К. Сакарьяна, было еще 4 — 5 дольменов, но в данное время от них ничего не осталось.

К югу от этой цепи дольменов, вниз по склону горы, на участке того же Карапета Акопьяна есть остатки еще не менее двух дольменов. Один в 15 м к югу от третьего дольмена; плиты настолько заплыли землей и заросли растительностью, что измерить их нет возможности. К югу от четвертого дольмена также лежит несколько обломков плит. На одной из них видна часть круглого отверстия.

К западу от участка Карапета Акопьяна, по ту сторону дороги, на участке отца К. Акопьяна, находится еще один разрушенный дольмен.

Таким образом, вся эшерская группа дольменов состояла не менее как из 15 дольменов. Не исключена возможность нахождения в этой местности и новых дольменов.

Местность, где расположены сохранившиеся дольмены, представляет обращенный к югу довольно крутой скат горы Аба-чадары. Земля частью находится под табачными плантациями, частью под мандариновым садом (рис. V).

Четыре уцелевших дольмена были подробно измерены и частично раскопаны.

Первый дольмен (рис. VI) расположен в мандариновом саду К. Акопьяна.

Тыльная часть дольмена совершенно скрыта землей. Спереди видно не больше трети передней и часть боковых плит. Дольмен обращен своим фасом к югу.

Верхняя плита покрыта землей, на которой растут мандарины. Дольмен цел, только в верхнем левом углу передней и в переднем верхнем углу правой (восточной) боковой плиты пробиты отверстия, через которые легко можно проникнуть внутрь.

Внутри дольмен оказался больше чем наполовину заполненным землей так, что круглого отверстия видно не было.

Все плиты из известняка. Задняя и боковые хорошо обтесаны, передняя хуже, а верхняя почти не обработана и имеет вид глыбы со свисающими мелкими сталактитами.

Передняя плита имеет ширину 2,98 м. Отверстие в передней плите овальной формы, размеры его слева направо 0,42 м, а сверху вниз 0,36 м. Высота передней плиты 2,10 м, снаружи над землей она возвышается на 0,85 м, остальная часть ее скрыта под землей. Толщина 0,20—0,25 м.

Задняя плита (изнутри) имеет ширину 2,52 м, нижняя часть ее внутри скрыта под землей.

Боковые плиты имеют длину 3,68 м и 3,69 м, и от задней плиты до переднего паза, т. е. внутри дольмена, 2,94 м.

Таким образом, дольмен в плане имеет форму трапеции, несколько суживающейся к тыловой части.

Верхняя плита по фасу дольмена имеет длину 5,34 м, причем ~~нижняя~~ ее выступают над боковыми плитами на 0,68—0,70 м. Лежит она наклонно, опускаясь к тыловой части дольмена. Толщина верхней плиты от 0,45 м до 0,50 м.

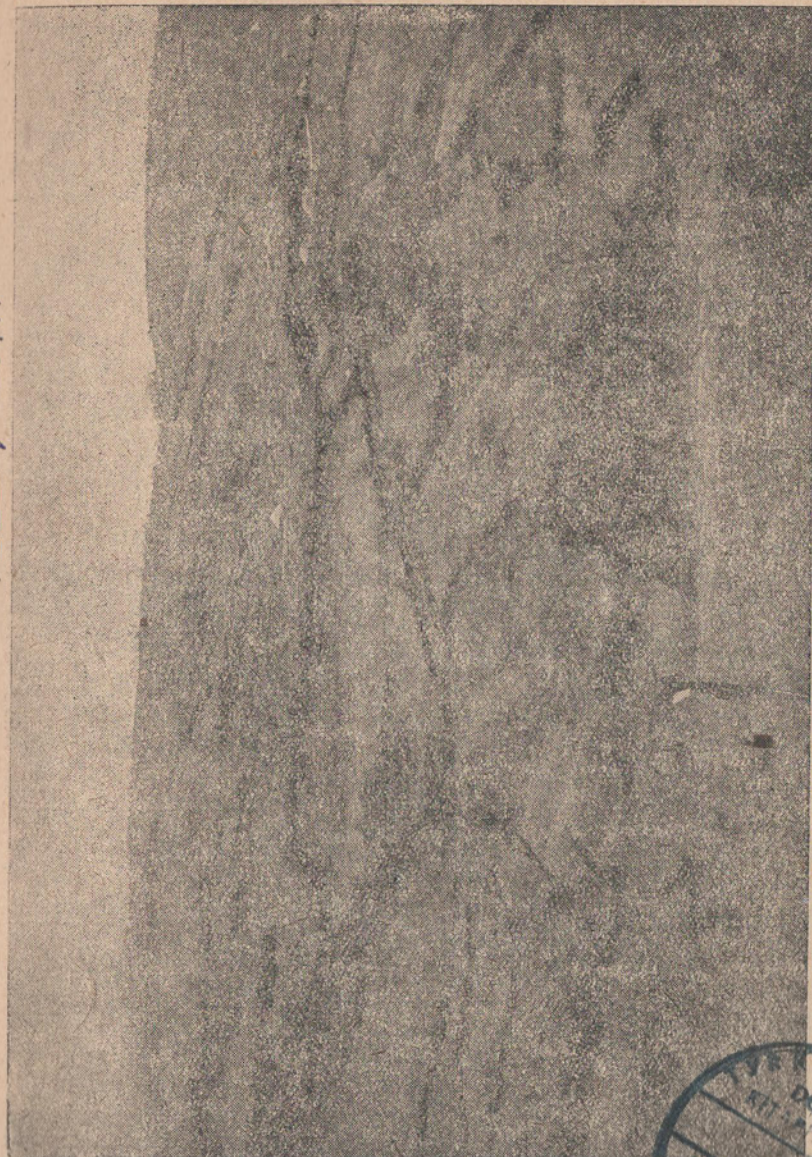

Рис. V. Общий вид на поселок Кюр-Дере Эшерского общества Сух. района.

303827 P 108744

Первый дольмен был вскрыт крестьянами, пробившими переднюю стену. В нем оказалось, по словам крестьян, много костей, несколько черепов, а также многочисленные бронзовые предметы. При расчистке этого дольмена действительно оказалось, что в нем находится исключительно большое количество костей, не менее как от нескольких десятков индивидуумов.

Установить какой-нибудь порядок погребения не было возможности. Часто в одном и том же месте, но на разной глубине находилось по несколько черепов. Судя по размерам костей, некоторые из костяков принадлежали детям.

Часть предметов, найденных в этом дольмене, была получена от крестьян, а часть найдена при расчистке дольмена. Все они поступили в Гос. Музей Абхазии.

1—4. Украшения в виде полых пуговиц, с одной стороны гладких сферических, а с другой плоских с двумя или четырьмя вырезами в виде треугольников, с боков — большие овальные отверстия. Диаметр от 1,3 до 2,2 см. (рис. VII, 8, 9, 10, 11).

5. Одно украшение того же типа, но более плоское, диаметром 2,5 см.

6. Такое же украшение большого размера, диаметром 4,9 см, с вырезами в виде треугольников не только на плоской, но и на выпуклой стороне (рис. VII, 7).

7—9. Фрагменты трех таких же крупных украшений.

10. Буса круглая, диаметром 1,5 см (рис. VII, 12).

11. Буса боченкообразная, длиной 2,0 см.

12. Половина круглой бусы с выступами, диаметром 2,1 см.

13. Часть круглой бусы, диаметром 1,8 см.

14. Серьги, в виде спирально согнутой проволоки, длиной 2,1 см. с утолщениями на концах (рис. VII, 5, 6).

15. Обломки такой же серьги.

16. Овальное колечко, размером 1,6×1,1 см.

17. Булавка со сферической головкой, конец обломан находчиками. На обломе стержня видна половина бывшего здесь отверстия. Головка украшена треугольными углублениями. Длина сохранившейся части 8,0 см. (рис. VII, 1).

18. Булавка с большой сферической резной головкой, про-
рези сделаны в виде треугольников. Длина 9,5 см. Посредине стержня булавки — круглое отверстие (рис. VII, 2).

Рис VI. Дольмен № 1 в Кюр-Дере.

19. Два обломка спирали. По словам находчика, это часть браслета, найденного на руке у костяка.

20 — 21. Две парных застежки. Передняя часть имеет форму птичьей головки, ниже круглое отверстие. Задняя часть застежки расширена в плоскости, перпендикулярной к передней. Длина застежки 4,2 см, высота спереди — 2,0 см, ширина задней части 3,1 см. Вся фигурка имеет довольно изящный вид (рис. VIII 3, 4). Повидимому, своей плоской стороной застежки пришивались к одежде, а в отверстия продергивался шнурок.

22 — 26. Пять небольших бронзовых обломков, четыре из них от бус и пронизей разных форм, а одно, повидимому, от описанной выше серьги.

27. Брусок из мягкого камня серого цвета (сланец) с отверстием, длиной 11,0 см.

Часть предметов попорчена при испытании их находчиками на огне.

При разведке 11 — 13 сентября 1930 года найдены серьга, аналогичная № 14, фрагменты браслета из спирали (рис. VII, 13) и несколько мелких бус и обломков их.

Кроме того, найдено несколько обломков сосудов из черной и красной плохо обожженной глины. Взяты также наиболее сохранившиеся кости.

Нижней плиты в первом дольмене не оказалось; дно его усыпано слоем морского гравия, мелких осколков известняка и известью.

Второй дольмен (рис. VIII) находится в 30 шагах к востоку от первого, в том же мандариновом саду. Сохранился он лучше первого. Имеется только небольшой пролом в левой верхней части передней плиты, через который можно проникнуть внутрь.

Дольмен этот, как и первый, большей своей частью находится на земле. Передняя сторона (вместе с верхней плитой) возвышается над землей на 0,76 м. Своим фасом обращен на юг. Материал — известняк. Внутри дольмен также на половину наполнен землей. Измерен дольмен был главным образом изнутри. Передняя плита шириной 2,5 м, толщиной 0,35 м.

Задняя плита шириной 2,02 м. Боковая плита (западная) 3,15 м, причем внутри от задней плиты до переднего плана — 2,50 м, передняя часть ее возвышается над тыловой на 0,24 м.

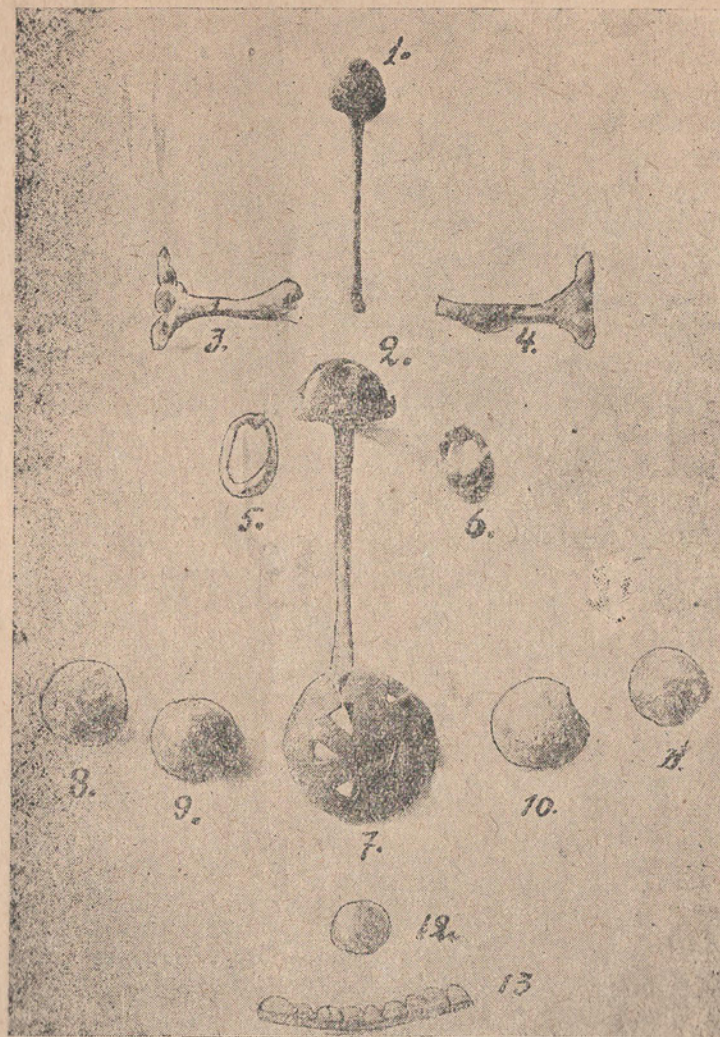

Рис. VII.

Погребальный инвентарь из дольмена № 1 (Кюр-Дере)

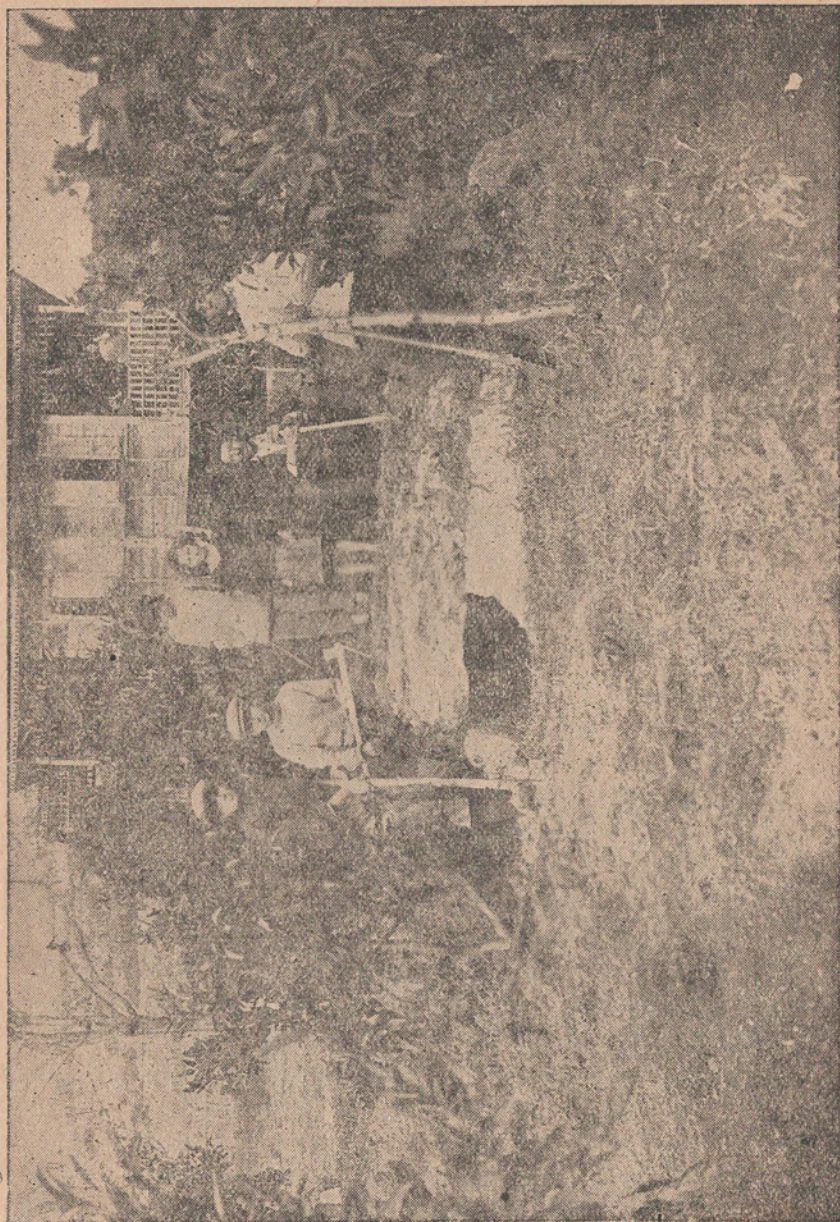

Рис. VIII. Дольмен № 2 в Гюр-Дере.

Таким образом, по плану второй дольмен сходен с первым. Боковые плиты выдаются перед передней на 0,55 м. Ширина паза 0,20 м.

Верхняя плита по переднему краю имеет ширину 3,50 м, т. е. выдается над боковыми плитами.

Этот дольмен также был вскрыт крестьянами, причем там был найден один костяк, около которого лежал наконечник копья. Костяк лежал на слое гравия, покрытом какой-то темной массой, похожей на смолу.

Расчистки этого дольмена не производилось.

Третий дольмен (рис. IX) находится метрах в 40 к востоку от второго, приблизительно на одной линии. Между ними находится четвертый дольмен, который вначале был принят за разрушенный, так как сильно погружен в землю и зарос растительностью.

Третий дольмен расположен на табачном поле. Только самая нижняя часть передней плиты дольмена была покрыта землей. После небольшой расчистки удалось обнаружить круглое отверстие на передней плите.

Верхняя плита дольмена разбита и частью провалилась внутрь дольмена; сверху до уровня верхнего края боковых и передней плиты все пространство заполнено обломками верхней плиты и землей, вследствие чего внутрь дольмена проникнуть нельзя. Как и предыдущие, дольмен стоит на скате и вся тыловая часть его находится под землей, почему размеры боковых и задней стены выяснить не удалось.

При пробной раскопке была удалена часть обломков верхней плиты и раскопан передний правый угол дольмена. Остальная часть скрыта под массивными, в несколько десятков пудов, обломками верхней плиты.

Передняя плита, как и остальные, из хорошо обтесанного известняка, бока ее закруглены и входят в пазы на боковых стенах. Часть плиты повреждена. Ширина плиты 3,00 м, высота 2,28 м, толщина в отверстии 0,28 м. Отверстие овальной формы, удлиненное справа налево, размеры его 0,46×0,375 м. Расстояние до отверстия от верхнего края плиты 1,60 м. Обращено отверстие на ЮВ. Боковые стены выдаются перед передней на 0,57 м (снизу).

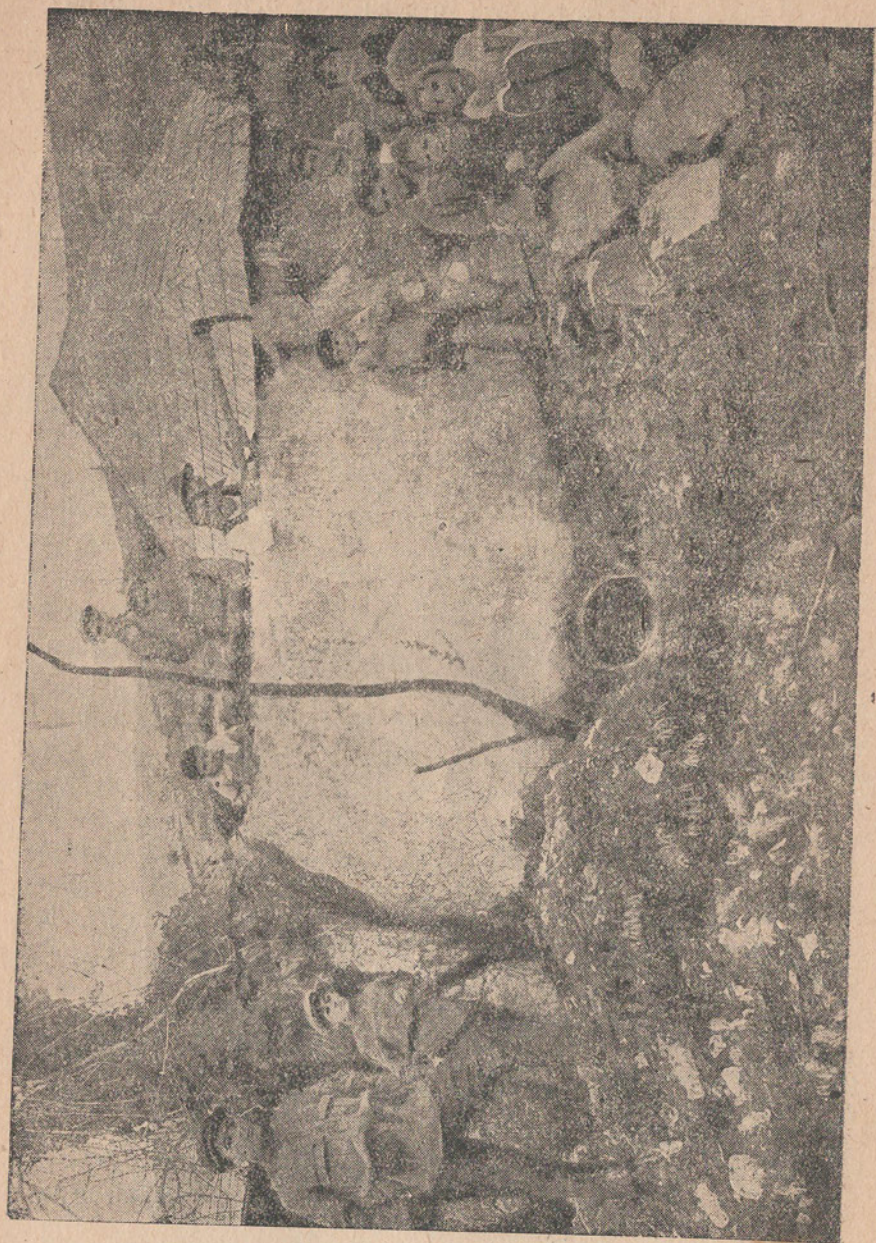

Рис. IX. Дольмен № 3 в Гор-Дере.

Уже при расчистке снаружи переднего отверстия, которое оказалось плотно забитым землей и мелкими обломками камня, стали попадаться кости, в том числе кости черепа, и мелкие предметы из бронзы. Кости сильно истлели и извлечь их целыми не удалось. Только зубы сохранились более или менее хорошо.

Повидимому, под давлением обрушившейся верхней плиты часть содержимого дольмена была вытеснена наружу. При расчистке восточного угла было обнаружено много костей, в том числе не менее трех черепов, но судить о положении костяков было невозможно, так как кости находились в беспорядке. В самом углу находился череп и около него бронзовый топор и вблизи бронзовые наконечники копья. Помимо костей попадались фрагменты глиняной посуды и мелкие бронзовые предметы. Нижней плиты в дольмене не оказалось. На дне был слой извести, мелких обломков известняка и гравия.

Найдены следующие бронзовые предметы:

1. Топор слегка изогнутой формы, массивный, с закругленным лезвием и со слегка заостренным обухом.

Длина топора 15 см, диаметр отверстия для рукоятки 2,5 см (рис. X, 1).

2. Наконечник копья — плоский, тонкий, без граней, листовидной формы. Длина вместе со стержнем для вставления в рукоять 19 см, самый наконечник 14,5 см, наибольшая ширина 3,7 см (рис. X, 2).

3. Наконечник копья того же типа, но меньшего размера, длиной 14,5 см, шириной 2,8 см (рис. X, 3).

4. Стрелка плоская, тонкая без втулки и граней, с закругленным концом и коротким черенком, длиной 8 см (рис. X, 4).

5. Стрелка меньшего размера того же типа, но с острым концом, длиной 3,5 см (рис. X, 5).

6 — 22. 17 бус и подвесок круглых, боченкообразных с выступами и в виде маленьких колечек. Наибольшая длина 2 см (рис. X, 13 — 29).

22 — 24. Две серьги из спирально загнутой проволоки с утолщениями на концах, длиной 2,5 см. Тождественны с найденными в первом дольмене (рис. X, 10, 11).

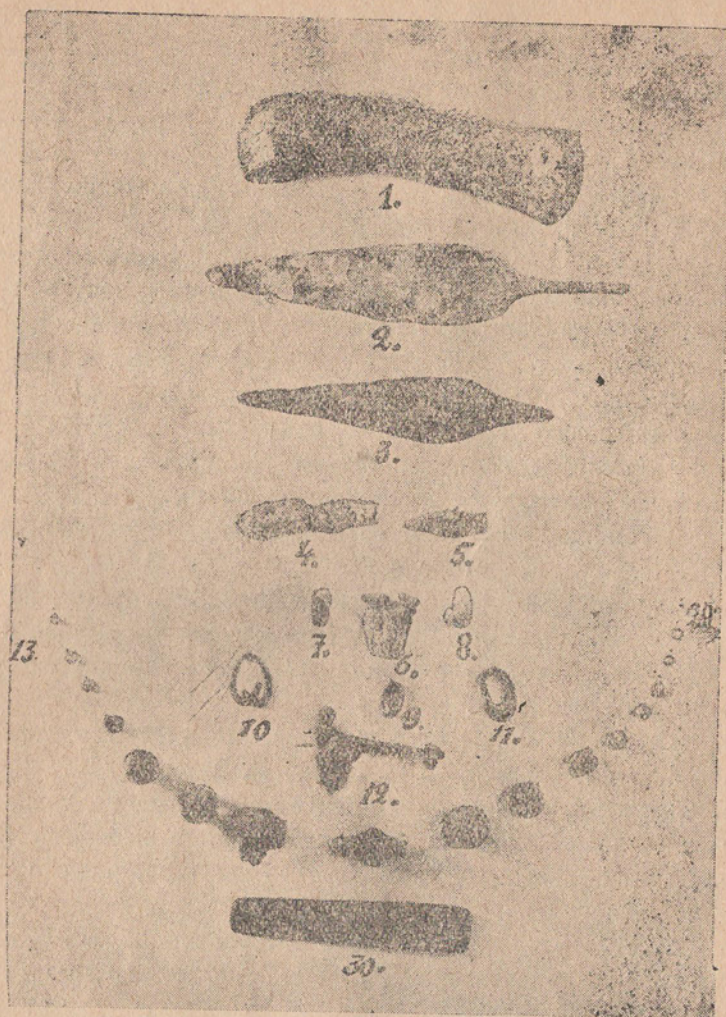

Рис. X.
Погребальный инвентарь из дольмена № 3 в Кюр-Дере.

25 — 26. Тоже, но сломанные.

27—28. Два колечка овальной формы, в разрезе почти овальные, длина 1,6 см (рис. X, 7, 8).

29. Такое же колечко, но в разрезе круглое, длина 1,5 см (рис. X, 9).

30. Четыре фрагмента спирали, повидимому, части браслета или ожерелья.

31 — 32. Два украшения в виде полых пуговиц со сферической гладкой верхней поверхностью и с плоской нижней с прорезями в виде треугольников. Диаметр 2,8 и 2,2 см. Аналогичны с найденными в первом дольмене.

33. Украшение неизвестного назначения, возможно навершье, в виде невысокого угловатого цилиндра с тремя бараньими головками наверху, в середине — круглое отверстие. Все украшение вышиной 2,5 см (рис. X, 6).

34. Застежка, аналогичная с найденной в первом дольмене, но вместо „птичьей“ — баранья головка. Длина 5,5 см, высота передней части 2 см. Ширина задней части 3,4 см (рис. X, 12).

35. Брусok из мягкого камня серого цвета, с отверстием. Длинной 12 см, шириной от 1,5 см до 1,8 см (рис. X, 30).

Керамика. В третьем дольмене найдены фрагменты четырех небольших сосудов.

1. Шесть фрагментов, в том числе доньшко и ручка сосуда из красной глины, довольно хорошо обожженной, повидимому, плоской чашки. Толщина стенок 0,6 — 0,7 см.

2. Шесть фрагментов, в том числе часть доньшка, сосуда из красной, плохо обожженной глины, повидимому, имевшего форму горшка или небольшого кувшина. Толщина стенок 0,6—0,7 см.

3. Четыре небольших фрагмента сосуда из красной глины, толщиной около 1 см. Фрагменты имеют орнамент в виде пучка параллельных волнистых линий.

4. Три небольших фрагмента толщиной 0,8 см из очень плохой серой глины с большой примесью песка.

Форму двух последних сосудов определить нельзя даже при близительном, ввиду незначительного размера фрагментов.

Четвертый дольмен находится на одной линии с первыми тремя, на равном расстоянии (около 20 м) между в орым и третьим. Своим фасом он обращен на Ю-ЮЗ.

Передняя часть верхней плиты у него отсутствует, внутренность наполнена землей и заросла растительностью так же, как и возвышающаяся всего на 0,40—0,50 м над уровнем земли передняя плита. Хорошо была видна только сохранившаяся часть верхней плиты, почему дольмен и был сначала принят за разрушенный. При тщательном осмотре оказалось, что боковые плиты целы и видны над землей на протяжении 3,50 м, уходя далее под землю и выдаваясь перед передней плитой на 0,49 м при толщине 0,20 м. Таким образом, дольмен оказался сравнительно равномерно погруженным в землю, что объясняется небольшой покатостью склона в этом месте.

Отсутствие части верхней плиты на протяжении 1,10—1,15 м давало основание предполагать, что он давно разграблен, но с другой стороны легкость, с какой можно было проникнуть внутрь дольмена, не причиняя никакого вреда этому памятнику, заставила предпринять 12 сентября 1930 года частичную раскопку № 4. Результаты сверх ожидания оказались благоприятными.

Внутренность дольмена была целиком заполнена землей и обломками верхней плиты, а отчасти передней и боковых, которые также частично оказались разрушенными. Среди этих обломков попадались глыбы в несколько пудов весом, удаление которых заняло много труда и времени.

Удалось расчистить всю переднюю часть дольмена, не покрытую верхней плитой, т. е. на расстоянии до 1,12 м от передней плиты. Глубина дольмена, т. е. высота передней плиты, оказалась 1,84 м, ширина передней плиты 2,37 м. Под передней плитой была обнаружена нижняя плита, тянувшаяся только на 0,62 м. от края передней плиты вглубь дольмена. Остальная расчищенная часть дна дольмена была покрыта гравием, осколками кварца и песком. Попадались в очень незначительном количестве небольшие кусочки угля.

В плане дольмен также представляет трапецию, суживающуюся к задней плите.

Круглое отверстие находится на расстоянии 1,11 м от верхнего края передней плиты. Размеры его сверху вниз 0,49 м и слева направо 0,51 м. Верхняя плита имеет в ширину 2,94 м, причем выдается над боковыми плитами на 0,22 м, толщина

ее около 0,25 м. На глубине 0,70—0,80 м были найдены фрагменты двух сосудов грубой работы из плохо обожженной черной глины, а на глубине 1,10 м челюсть хищника — волка или крупной собаки.

На дне дольмена обнаружено несколько погребений с погребальным инвентарем. Кости сильно истлели и раздавлены обрубившимися обломками плит.

Два погребения были расположены, повидимому, в сидячем или полулежачем положении, так как в углах вместе с костями черепа были найдены позвонки, ребра и трубчатые кости рук. Ножные же кости с многочисленными фалангами пальцев находились ближе к средней линии дольмена и на расстоянии около метра от передней плиты.

Третье погребение было расположено, судя по остаткам черепных костей и костей ног, головой к центру дольмена, а ногами к круглому отверстию. Около этого погребения находилось, повидимому, детское, судя по небольшому размеру сохранившихся костей (позвонков и несколько фаланг пальцев).

По бокам погребения в восточном углу находилось два раздавленных глиняных сосуда, одна небольшая каменная и несколько мелких бронзовых бус.

У погребения в западном углу — бронзовый топор (рис. XI, 1), бронзовая боченкообразная подвеска (рис. XI, 6) и два раздавленных глиняных сосуда. Около того же погребения у передней плиты; ближе к круглому отверстию — бронзовый наконечник копья (рис. XI, 5) и вдоль левой боковой плиты на протяжении одного метра — неизвестный бронзовый предмет в виде острого крюка с орнаментированной втулкой (рис. XI, 2) и бронзовый наконечник копья (рис. XI, 3).

В ногах третьего погребения у передней стены, под круглым отверстием — глиняный сосуд, небольшой наконечник бронзового копья (рис. XI, 4) и два камня. Один полусферической формы с плоским основанием, другой длинный, плоский с закругленными концами.

Всего из четвертого дольмена добыты следующие предметы:

Бронза. 1. Топор изогнутой формы, с вислым обухом, в середине которого отверстие для рукояти. Длина всего топора 18 см, обуха 4 см, наибольшая ширина лезвия 4,5 см. (рис. XI, 1).

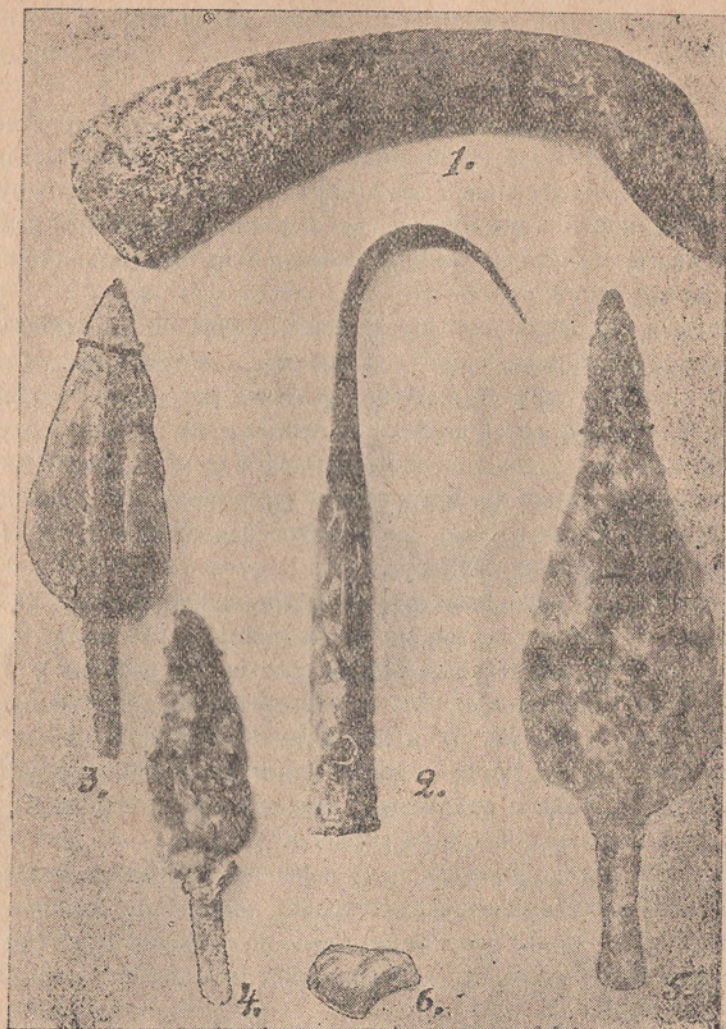

Рис. XI.
Бронзовые предметы из дольмена № 4 в Кюр-Дере.

2. Бронзовый острый крючек со втулкой, втулка четырехгранная, на каждой грани орнамент в виде змей, грани разделены орнаментом в виде жгутика. По бокам втулки два круглых отверстия. Длина всего крюка 17 см, втулки — 9,5 см. (рис. XI, 2).

3 — 5. Бронзовые наконечники копий плоские листообразной формы, со стержнем для насадки на древко. Размеры: большого наконечника — длина 20 см, стержня 5,5 см, наибольшая ширина 6 см; среднего — длина 13,5 см, стержня 6 см, наибольшая ширина 4 см; малого — длина 11,5 см, стержня 3 см, наибольшая ширина 3,5 см. Наконечник среднего размера имеет посередине ребро (рис. XI, 3, 4, 5).

6. Подвеска боченкообразной формы с выступами, длиной 3 см (рис. XI, 6).

Кроме того 5 небольших бронзовых бус.

Глиняные сосуды. Всего найдено 5 раздавленных глиняных сосудов из красной и черной плохо обожженной глины с примесью крупного песка. У большинства сосудов есть ручки, прикрепленные с помощью выступов, входящих в соответствующее углубление стенок сосудов. У одного сосуда вместо ручек небольшие выступы. Форма сосудов круглая с плоским гладким дном и широким горлышком, в виде небольшого бортика. Наиболее сохранившийся сосуд из юго-западного угла дольмена черной глины имеет высоту 12,5 см, диаметр горлышка 12 см, диаметр доньшка 8 см, высота горлышка 2 см. Ниже горлышка примитивный орнамент в виде небольших круглых вдавлений, на ручке елочный орнамент (рис. XII, 1).

Второй сосуд из красной глины имеет те же размеры, но вместо ручек у него простые выпуклости. При разрушении сосуд этот распался на узкие параллельные сегменты (рис. XII, 2).

Изделия из камня. 1. Камень полусферической формы с плоским основанием, служивший, вероятно, для растирания зерен или чего-либо подобного. Диаметр основания 7,5 см.

2. Плоский и длинный камень с закругленными концами, вероятно, просто крупная морская галька, длиной 18 см и шириной 6 см. Мог служить как брусок для точения.

3. Цилиндрическая буса из розоватого камня длиной 1 см.

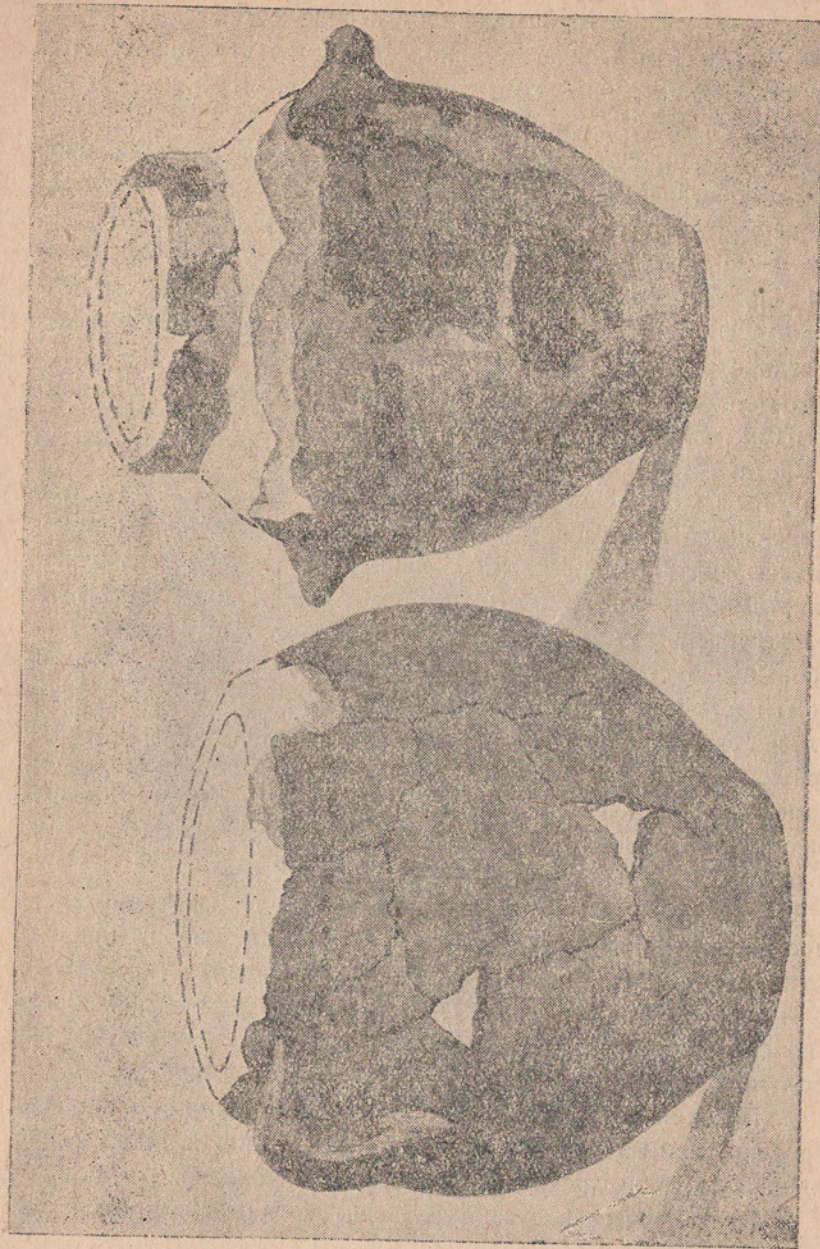

Рис. XII. Сосуды из дольмена № 4 в Кюр-Дера.

Переходя к характеристике, как самых дольменов Абхазии, так и найденных в них предметов, прежде всего остановлюсь на дольменах.

Расположение абхазских дольменов. Как и дольмены Северного Кавказа и Черноморья, абхазские дольмены расположены группами или цепью. Все группы абхазских дольменов расположены недалеко от воды на горных склонах. В частности ближайшие дольмены Эшерской группы находятся всего в нескольких десятках метров от р. Шицквара на южном склоне горы Абачагдара, Азانتский — недалеко от оз. Амткел на покатом взгорье.

Лицевой фас дольменов с отверстием в первом и втором Эшерском и в первом Азантском обращен к югу, в третьем Эшерском к юго-востоку, в четвертом к юго-западу и только в третьем Азантском к северу.

Таким образом основное направление абхазских дольменов, как и у большинства северо-кавказских и черноморских, это на юг и на юго-восток.

Материал. Азантские дольмены сделаны из песчаника, эшерские из известняка. В противоположность западно-европейским дольменам, плиты абхазских дольменов, за исключением верхних, хорошо и гладко обтесаны, боковые имеют пазы, а края передних и задних закруглены.

Форма дольменов. Как и большинство других кавказских дольменов, абхазские дольмены в плане представляют трапецию, причем передняя часть шире, чем тыловая.

Первый азантский дольмен весь, вплоть до нижней плиты, находится на поверхности. Третий эшерский своей передней частью был погружен в землю несколько выше отверстия, остальные три эшерских погружены в землю больше, чем на половину.

Размеры плит. Для сравнения приводятся данные для сев.-кавказских и некоторых азербайджанских дольменов.

Передняя плита:

Ширина:

1-го эшерского	2,98 м
2-го "	2,50 "
3-го "	3,00 "
4-го "	2,37 "
1-го азантского	2,37 "

Северо-кавказские наибольшие:

Шапсугского, на р. Абин	2,66 "	По В. М. Сысоеву
Джубгинского, Черноморье	2,84 "	
У ст. Баговской	2,88 "	По Е. О. Фелицину
Средняя для абинской группы	1,52	

Высота:

1-го эшерского	2,10 "
2-го "	неизв.
3-го "	2,28 "
4-го "	1,84 "
1-го азантского	2,04 "

Высота до земли:

1-го эшерского	0,85 м (вместе с верхней плитой)
2-го "	0,76 " (без верхней плиты)
3-го "	1,40 " (без верхней плиты)
4-го "	0,50 " (с верхней и нижней плитой).
1-го азантского	2,40 " (с верхней и нижней плитой).

Северо-кавказские:

Наибольшая (у Соснового поста)	1,77 м
Средняя	1,09 "
Азербайджанского (Ленкоран. край, сел. Вергидуз)	2,05 "

Толщина:

1-го эшерского	0,25 "
2-го "	0,35 "
3-го "	0,28 "
4-го "	0,20—0,35 м
1-го азантского	0,50 м

Северо-кавказские:

Наибольшая (у Соснового поста)	0,40 "	По В. М. Сысоеву.
Наименьшая (у ст. Ильской)	0,13 "	
Средняя	0,28 "	

Диаметр отверстия:

1-го эшерского	0,42×0,36 м
2-го "	неизвестно
3-го "	0,46×0,37 "
4-го "	0,51×0,49 "
1-го азантского	0,41×0,32 "
3-го "	0,41 м (круглое)

Северо-кавказские:

Наибольшее (Шапсугский)	0,44×0,49 м
Наименьшее	0,31×0,36 "

Расстояние отверстия от верхнего края:

1-го эшерского	1,46 "
2-го "	неизвестно
3-го "	1,60 м
4-го "	1,11 " (без верхней плиты)
1-го азантского	неизвестно
3-го "	неизвестно

Северо-кавказские:

Наибольшее (Шапсугский)	1,38 м
Наименьшее (у ст. Эриванск.)	0,29 "

Таким образом по ширине передней плиты два из абхазских дольменов эшерской группы превосходят самые большие дольмены Северного Кавказа и Черноморья. Что касается толщины, то толще других первый азантский, который превосходит все известные кавказские дольмены.

Толщина передних плит эшерской группы приближается к средней толщине северо-кавказских дольменов.

Высота от земли, характеризую внешний вид дольменов, не характерна для размеров их. Наибольшая высота, превосходящая все кавказские дольмены, у первого азантского 2,40 м. Остальные более или менее углублены в землю, причем первый, второй и особенно четвертый эшерский углублены довольно значительно.

Отверстие у большинства абхазских дольменов, как и у северо-кавказских, слегка овальное, вытянуто слева направо, по размерам приближается к самым крупным дольменам Северного Кавказа и Черноморья. Особенно велико отверстие у четвертого эшерского. Обращены они на ЮЮВ и ЮЮЗ за исключением третьего азантского, обращенного к С, что является редким и для Северного Кавказа.

Втулка. О втулках абхазских дольменов ничего неизвестно. У первого, третьего и четвертого эшерского дольмена при раскопке втулки не оказалось. По словам К. Акопяна, найденная им втулка была сделана из мягкого белого камня, имела форму гриба и весила 2 — 3 пуда.

Задняя плита:

Ширина.

1-й эшерский	2,52 м
2-й "	2,02 "
3-й "	неизвестно
4-й "	"
1-й азантский	задняя плита отсутствует
3-й "	2,69 м

Северо-кавказские.

Наибольшая (на горе Паника)	2,40 м
Средняя	1,06 "

Высота:

1-й эшерский ок.	1,84 "
2-й "	неизвестно
3-й "	"
4-й "	"
1-й азантский	задн. плиты нет
3-й "	неизвестно

Северо-кавказские.

Наибольшая (дольм. на р. Бугундыре)	1,98 м
Средняя	0,76 "

Толщина.

1-й эшерский	неизвестно
2-й "	"
3-й "	"
4-й "	"
1-й азантский	задней плиты нет
3-й "	неизвестно

Северо-кавказские:

Наибольшая (дольмен между рр. Бугундыр и Антхыр)	0,38 м
Наименьшая (дольмен у ст. Ильской)	0,18 "
Средняя	0,26 "

Таким образом, по ширине задних плит абхазские дольмены в большинстве превышают ширину северо-кавказских дольменов. Данных по высоте и толщине не имеется.

Боковые плиты (все данные взяты для правой от зрителя плиты).

Длина:

1-й эшерский	3,64 м (меньше действит.)
2-й "	3,15 " "
3-й "	неизвестно
4-й "	3,50 м
1-й азантский	2,58 "
3-й "	3,50 "

Северо кавказские:

Наибольшая—Шапсугский (составн.)	4,30 м
Дольмен на г. Паника	3,82 "
" на р. Джубга	3,90 "
Наименьшая — Гойтинский дольмен- циста	1,25 "
Средняя	2,50 "

Высота:

По фасаду:	Сзади:
1-й эшерский	2,10 м 1,85 м
2-й "	неизв. неизв.
3-й "	2,28 м "
4-й "	1,84 " "
1-й азантский	около 2,00 " 1,50 м
2-й "	" 2,60 " неизв.

Северо-кавказские:

По фасаду:	Сзади:
Наибольшая — Шапсугский	1,55 м 1,70 м (у пос. Пятигорск.)
Наименьшая (у ст. Ильской)	0,45 " 0,53 " (у ст. Эриванской)
Средняя	0,93 " 0,71 "

Толщина:

1-й эшерский	0,48 м
2-й "	неизв.
3-й "	"
4-й "	0,20 м
Разрушенный эшерский	0,23 "
1-й азантский	неизв.

Северо-кавказские:

Наибольшая у ст. Шапсугской . . .	0,45 м
Наименьшая у ст. Ахтырской . . .	0,14 "
Средняя	0,25 "

Длина боковых плит абхазских дольменов уступает наиболее крупным дольменам Северного Кавказа и Черноморья, но при этом надо иметь в виду, что у эшерских дольменов часть боковых плит скрыта под землей, а, следовательно, размеры эти меньше действительных. Средняя длина боковых плит абхазских дольменов, особенно эшерской группы, значительно превосходит среднюю длину северо-кавказских.

Высота боковых плит эшерских и азантских дольменов значительно больше северо-кавказских, даже наиболее крупных.

Толщина боковых стен также превышает толщину у северо-кавказских дольменов.

Верхняя плита:

Длина:

1-й эшерский	} Скрыты под землей
2-й "	
3-й "	
4-й "	
1-й азантский	разбита

Северо-кавказские.

Наибольшая (дольмен на р. Бугун- дыре)	4,08 м
Наименьшая (дольмен у ст. Ахтыр- ской)	1,33 "

Азербайджан.

Ленкоранский край с. Вердигуз ¹ . . .	2,25 м
Гянджинский район с. Човдар ² . . .	3,50 "

¹ И. Азизбеков (Meddah). Древности Ленкоранского края. Изв. Аз. Арх. Комит. В. 2. Баку. 1926.

² Наибольшая дольменообразная могила № 18 по данным Д. Шарифова.

Ширина:

1-й эшерский	5,34 "
2-й "	3,50 "
3-й "	разбита
4-й "	2,94 м
1-й азантский	неизв.

Северо-кавказские.

Наибольшая (у ст. Шапсугской)	4,54 м
" на г. Паника	3,68 "
Наименьшая (у ст. Ильской)	1,20 "
Средняя	2,13 "

Азербайджан.

Ленкоранский край с. Вергидуз	2,12 "
Гянджинский район (наибольшая)	2,00 "

Толщина:

1-й эшерский	0,53 "
2-й "	0,42 "
3-й "	неизв.
4-й "	0,25 м
1-й азантский	неизв.

Северо-кавказские.

Наибольшая — дольмен на р. Бугун- дыре у ст. Эриванской	0,71 м
Наименьшая — у ст. Ильской	0,15 "
Средняя	0,35 "

Азербайджан.

Гянджинский район с. Чавдар (наиб.)	0,50 "
---	--------

Длину верхних плит установить для абхазских дольменов не удалось, так как у всех эшерских они скрыты под землей, а у первого азантского плита разбита.

По ширине эшерские дольмены в большинстве случаев превосходят не только среднюю ширину северо-кавказских и азербайджанских дольменов, но и ширину наиболее крупных из них.

Толщина верхних плит превосходит среднюю толщину северо-кавказских дольменов, но уступает наиболее крупным дольменам Северного Кавказа и Азербайджана.

Нижняя плита.

1-й эшерский	нижней плиты нет
2-й "	неизвестно
3-й "	нижней плиты нет
4-й "	только под передней плитой ширина 0,65 м.
1-й азантский	2,07×2,24

Сведений о размерах нижних плит северо-кавказских дольменов у меня нет.

Пазы. Пазы абхазских дольменов находятся на боковых плитах. Форма их округлая. Ширина около 0,20 м. Для северо-кавказских дольменов ширина пазов указывается от 0,09 м до 0,27 м.

Ниша. Ниша, образуемая выступами верхней и боковых плит впереди дольмена, имеется только у первого азантского дольмена, причем верхняя плита выдается на 0,50 м, а боковые — на 0,32 м.

У первого, второго и четвертого эшерских дольменов ниши нет, но верхняя выдается над боковыми в стороны у первого эшерского на 0,68 м, у второго на 0,55 м и у четвертого на 0,22 м.

У третьего эшерского ниша, возможно, была, но ввиду повреждения верхней плиты сказать это утвердительно нельзя. Боковые плиты выступают перед передней на 0,50

Для сравнения привожу еще размеры интересных дольменов с богатым инвентарем, обнаруженных Н. И. Веселовским внутри кургана ст. Царской (ОАК. 1898 г., стр. 33. СПб. 1901).

Первый дольмен. Толщина плит от 0,18—0,27 м. Размеры квадратного отверстия между двумя отделениями 0,18×0,27 м.

Второй дольмен 1-е отделение—длина (с С на Ю) 1,18 м ширина (с З на В) 1,6 м. Глубина 1,2 м. Всего, считая толщину поперечных стен 0,155, 3,11 м.

Круглое отверстие. Диаметр 0,4 м. От отверстия до верхнего края 0,98 м, от отверстия до дна 0,09 м, всего 1,47 м. Верхняя плита (крышка) измерена только над первым отделением. Длина 2,49 м, ширина 1,95 м, толщина 0,2 м. Выдавалась над северным краем дольмена на 1,05 м.

Таким образом, по своим размерам, т. е. по длине и ширине плит, абхазские дольмены в общем превышают даже самые крупные из северо-кавказских, черноморских и азербайджанских дольменов.

По массивности, т. е. по толщине плит, они несколько уступают великанам Северного Кавказа и Черноморья, но значительно превышают среднюю толщину плит этих дольменов.

Самым высоким является первый азантский дольмен, превышающий, по видимому, все известные на Кавказе дольмены (2,40 м).

По длине первое место среди абхазских дольменов занимает первый эшерский (3,64 м), лишь немногим уступающий самым большим северо-кавказским дольменам, а по ширине — третий эшерский.

Средние размеры абхазских дольменов: передняя плита — ширина 2,64 м, высота 2,06 м, толщина 0,34 м.

Задняя плита: ширина 2,41 м, высота ок. 1,85, о толщине данных нет. Боковые плиты: длина более 3,23 м, высота по фасу 2,16 м; тыловой части 1,67 м, толщина 3,09 м.

Верхняя плита: данных о длине нет, ширина 3,90 м, толщина 0,40 м.

Во Франции средняя длина дольменов 2,00 — 2,50 м, высота 1,50 м. Наибольшие размеры: длина 10 м, высота 3,0 м.

Одна плита дольмена из Перетри (департамент Шаранты) весит 40.000 кг.

В Германии наибольший дольмен находится у Люнебурга. Верхняя плита этого дольмена имеет 5,0 м длины и 4,50 м ширины. Лежит она на семи подпорках. Высота внутри 1,50 м.

Сравнительные размеры Абхазских и других Кавказских дольменов

	А б х а з и я					Друг. местонах. Кавказ.	
	Эшерские дольмены					Сев. Кавк.	Азерб. байд.
	1-й	2-й	3-й	4-й	Разр.	Сред.	Ленкор.
I. Передняя плита.							
Ширина	2,98	2,50	3,00	2,37		2,37	1,52
Высота	2,10	неизв.	2,28	1,84		2,04	1,09
Высота до земли	0,85	0,76	1,40	0,50		2,40	
Толщина	0,25	0,35	0,28	0,20—0,55		0,50	0,28
II. Отверстие.							
Диаметр слева направо	0,42	неизв.	0,46	0,51		0,41	0,41
Диаметр сверху вниз	0,36	"	0,37	0,49		0,32	0,41
Расстояние от верхнего края	1,46	"	1,60	1,11		неизв.	естна
III. Задняя плита.							
Ширина	2,52	2,02	неизв.	естна		нет	2,69
Высота	1,84	неизв.	естна			"	неизв.
Толщина	не	изве	стна			"	"
IV. Боковая правая							
Длина	3,64	3,15	неизв.	3,50		2,58	3,50
Высота спереди	2,10	неизв.	2,28	1,84		2,60	2,60
Высота сзади	1,85	"	неизв.	естна		1,50	неизв.
Толщина	0,48	неизв.	естна	0,20	0,23	неизв.	0,25

	А б х а з и я							Друг. местонах. Кавказ.		
	Эшерские дольмены					Азантаские		Сев. Кавк.	Азер- байд.	
	1-й	2-й	3-й	4-й	Разр.	1-й	3-й	Сред.	Ленкор.	
V. Пазы.										
Ширина		около	0,20			не	изве	стно		
Глубина										
VI. Нижняя плита.										
Ширина	нет	неизв.	неизв.	0,65		2,07				
Длина	"	"	"	неизв.		2,24				
Толщина	"	"	"	"		неизв.				
VII. Ниши.										
Верхняя плита (выдается над передней) . .	—	—	—	—		0,50				
Тоже над боковой	0,68	0,55	—	0,22	—	—				
Боковая левая пе- ред передней			} 0,50			} 0,32				
Боковая правая перед передн.										
VIII. Верхняя плита.										
Длина	не	изве	стна			нет		4,08— 1,33	2,25	
Ширина	5,34	3,50	разб.	2,94		неизв.		2,13	2,12	
Толщина	0,53	0,42	неизв.	0,25		"		0,35	0,50	

Погребальный инвентарь абхазских дольменов.

Изделия из бронзы.

До открытия эшерской группы дольменов в Абхазии были известны изделия из бронзы так называемого „кобанского“ типа.

Уже первые предметы, полученные из первого и третьего дольменов, показали, что погребальный инвентарь дольменов почти не имеет сходства с „кобанской“ бронзой и относится к другой, более ранней, эпохе.

Два топора, найденные в третьем и четвертом дольменах, несколько не похожи на изогнутые топоры часто изящной формы, которые раньше часто находили в Абхазии и относили к „кобанской“ культуре.

Топоры из дольменов имели вислообухую форму, особенно резко выраженную у топора, найденного в четвертом дольмене (рис. XI, 1).

Топор из третьего дольмена имел сходство с топором, найденным Е. Д. Фелициным в дольмене Абадзехской станицы¹ и еще больше походил на медный топор, найденный в 1911 г. около Геленджика и хранящийся в Музее Грузии².

Наконечники копий листовидной формы, без граней и втулок со стержнем для насадки на древко, также имели более примитивную форму, чем из инвентаря погребений в урнах.

Они походят, как по размеру, так и по форме, на бронзовый наконечник копья, найденный проф. Самоквасовым в окрестностях Пятигорска, в могилах древнего типа, вместе с топорами из нефрита. Как известно, Самоквасов считает эти погребения древнее кобанских могильников³.

Весьма близки эти наконечники по форме к наконечникам копий и к копьевидным ножам, неоднократно находимым Н. И. Веселовским в кубанских курганах со скорченными и окрашенными костяками.

¹ Е. Д. Фелицин. Зап. Кав. дольмены. МАК, в. IX, стр. 34.

² ОАК. 1911 г. Отд. II. — Случайные находки, стр. 83. СПб. 1914.

³ Проф. Д. Самоквасов. Могильные древности Пятигорского округа. Тр. V арх. съезда в Тифлисе, стр. 39—60. М. 1887.

Характерны также спирально согнутые серьги или височные подвески (рис. XI, 10, 11). Они аналогичны с серьгами, найденными проф. Самоквасовым в окрестностях Пятигорска (см. выше).

Проф. Городцов считает эти подвески характерными для северо-кавказской и катакомбной культуры.

Зато застёжки с „птичьими“ и „бараньими“ головками, а также навершьи с бараньими головками схожи с подобными предметами, находимыми в могильниках Кобани.

Предмет в виде крюка с орнаментированной втулкой трудно поддается объяснению (рис. XI, 2). Ближе всего он напоминает медный крюк на изогнутом древке, найденный Н. И. Веселовским в 1898 году в дольмене-цисте в кургане у ст. Царской¹. Возможно, что он является своеобразным навершьем и употреблялся как знак вождя или старейшины рода, на что указывает и сравнительно богатая его орнаментировка, каковой не имеет на других предметах.

Булавки с большими резными головками и с круглым отверстием в середине стержня своеобразны.

Отверстия в середине стержня встречаются как у булавок, находимых в кобанских могильниках, так и в более ранних могильниках Северного Кавказа, но формы головок у них иные. Уварова считала, что подобного рода булавки служили для застегивания одежды.

Остальные мелкие украшения — пуговицы, различной формы бусы и подвески также не похожи на находимые в погребальных урнах Абхазии.

Таким образом, погребальный инвентарь абхазских дольменов сильно отличается от погребального инвентаря погребений в урнах. В нем нет ни одного из характерных предметов этих погребений — шейных обручей, ножных колец, массивных застёжек в виде двойных спиралей, дугообразных фибул и проч. Зато есть предметы, не имеющие себе аналогий в абхазских могильниках с урнами — большие полые украшения в виде пуговиц с треугольными прорезями, булавки с такими же голов-

¹ ОАК. 1898, стр. 33. СПб. 1901.

ками и, наконец, вислообухие топоры и листовидные наконечники копий.

Единственно, что сближает изделия из бронзы абхазских дольменов с таковыми же изделиями погребений, в урнах, а следовательно и вообще с „кобанской культурой“, это „бараньи“ и „птичьи“ головки на навершьи и застёжках.

Пока количество находок незначительно, чтобы делать окончательные выводы, но во всяком случае, погребальный инвентарь абхазских дольменов ближе к инвентарю древнейших могильников Северного Кавказа, чем к инвентарю погребений в урнах в Абхазии.

Керамика.

Находки глиняных изделий в абхазских дольменах пока слишком незначительны.

По двум реставрированным сосудам из четвертого дольмена (рис. XII, 1, 2) можно заключить о некотором сходстве их с сосудами из дольменов Северного Кавказа, но полной аналогии нет. Форма и материал разнятся от северо-кавказских сосудов и размер их меньше.

Больше всего сходства в способе прикрепления ручек, которые, как и у северо-кавказских сосудов, прикрепляются с помощью выступов, входящих в соответствующие углубления стенок сосудов.

Изделия из камня.

В абхазских дольменах, кроме бронзовых изделий и керамики, найдены еще два бруска из серого мягкого камня (сланца), а также (в четвертом дольмене) круглый и продолговатый камень.

Бруски совершенно схожи, как по материалу, так и по форме и размеру, с брусками, находимыми в абхазских могильниках с погребениями в урнах, а равно и с брусками, находимыми в северо-кавказских дольменах и в могильниках. Очевидно, форма брусков очень устойчива и держалась продолжительное время.

Круглый камень со сферической верхней и плоской нижней поверхностью является примитивной зернотеркой и служил для растирания зерен, вернее всего итальянского проса (гоми), которое в древности имело очень широкое распространение.

Другой камень, найденный рядом с зернотеркой, представляет просто морскую гальку правильной формы без следов обработки. Мог служить как брусок. Оба камня — предметы повседневного обихода.

Топоров, наконечников стрел и пр., сделанных из нефрита, кремня, обсидиана и других подобных материалов не найдено. Здесь мы имеем дело с эпохой полного господства бронзы.

Способ погребения.

Костяки при раскопке эшерских дольменов находились в таком состоянии, что извлечь хотя бы отдельные кости в целом виде не удавалось.

Некоторые кости черепной коробки обращают на себя внимание, как и в дольменах Северного Кавказа, своей толщиной.

В первом дольмене поражало огромное количество костей, расположенных в полном беспорядке, хотя некоторые части дольмена, видимо, не были тронуты раскапывавшими его крестьянами. Создалось впечатление, что тела сваливались в дольмен в полном беспорядке. Характерно также, что из погребального инвентаря найдено только то, что могло находиться на самом покойнике, или на его одежде — застёжки, бусы, серьги, браслеты и т. п. Ни одного предмета, который мог быть положен отдельно от покойника не найдено (брусок носился на поясе).

Даже фрагментов глиняной посуды попадалось ничтожное количество, возможно, случайного происхождения.

Все это наводит на мысль, что в первом дольмене мы имеем дело с массовым погребением, без общепринятого ритуала и вызванного какой-либо катастрофической случайностью.

Расчистка второго дольмена не производилась. Об имевшемся там одиночном погребении известно только со слов крестьян, вскрывших этот дольмен.

В третьем дольмене, обрушившаяся верхняя плита повредила целостность погребения. Тем не менее находка нескольких черепов указывает на коллективное погребение, а то обстоятельство, что крупные бронзовые предметы (топор, копье), обломки сосудов и значительная часть костей была найдена в самом углу дольмена показывает, что покойники, главным образом, располагались по углам.

Больше всего данных о способе погребения получено при раскопке четвертого дольмена (передней части).

Костяки располагались по углам в сидячем или полулежащем положении, с ногами, вытянутыми по диагонали к середине дольмена. Третий костяк был расположен ногами к передней плите и головой вглубь дольмена. Установить, в каком положении он лежал, т. е. на спине, на боку, в скорченном положении и т. д. нельзя, так как от самого костяка осталось очень мало.

Погребальный инвентарь — изделия из бронзы и сосуды у костяков, расположенных в углах, находились у головы вдоль стенок дольмена. У костяка, лежавшего посередине, — у ног.

Об изображении животных.

Из изображений животных встречаются — изображения птиц на застёжках, барана на застёжках и навершии, и змеи на предмете в виде крюка, вероятно, тоже навершии жезла начальника.

Любопытно, что изображения птиц встретились в первом дольмене, барана в третьем, змеи в четвертом, т. е. ни в одном дольмене не встретилось двух животных.

Раз в каждом дольмене погребались члены одного рода, то изображения животных могли быть тотемами данного рода, тем более, что они изображались и на навершиях, бывших, вероятно, навершиями жезлов начальников. Тотемы держались долго после того, как стадия тотемных групп была изжита.

Подводя итоги, можно прийти к следующим выводам, которые должны быть подтверждены дальнейшими исследованиями абхазских дольменов.

Погребения в дольменах были коллективными, причем в дольменах погребались члены одного рода.

Инвентарь погребения сравнительно беден. В то время как в погребениях с инвентарем „кобанского“ типа находится обычно по несколько топоров, ожерелья из бронзовых и сердоликовых бус, ручные и ножные браслеты, несколько наконечников копий, кинжалов и проч., в дольменных погребениях находили по одному топору, по 1 — 2 наконечнику копья, отдельные немногие бусы и проч.

Инвентарь погребения однороден, при каждом костяке находится одинаково небольшое количество изделий из бронзы, сосудов и проч. Это заставляет предположить, что мы имеем дело с погребениями периода родового строя.

Так как инвентарь погребения в урнах (см. ниже) можно отнести к вещественным остаткам колхской культуры, то абхазские дольмены с их инвентарем являются вещественными остатками до-колхского варианта периода родового строя.

Гораздо труднее дать абсолютную датировку погребений в абхазских дольменах.

До сих пор еще нет твердо установленной датировки ни для северо-кавказских дольменов, ни для погребений в курганах со скорченными и окрашенными костяками.

Я уже указал, что инвентарь дольменов Абхазии имеет сходство с инвентарем могильников окрестностей Пятигорска, курганов Кубанской области и проч.

А. В. Шмидт¹, пробуя датировать эти памятники, относит находки в Пятигорске, Кисловодске, ст. Андрюковской, Константиновской и др. к средне-кубанской культурной группе и датирует их периодом от 2300 до 1600 года до нашей эры.

Так как среди погребального инвентаря дольменов встречаются и предметы, близкие к более позднему инвентарю могильников в Кобани (застежки и наперстки с бараньими и птичьими головками), то вряд ли дольмены Абхазии можно относить к третьему тысячелетию до нашей эры, а скорее ко второму тысячелетию.

Дать более точную датировку до результатов дальнейших исследований невозможно.

¹ A. V. Schmidt. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja (Beiträge zur Erforschung der paläometallischen Kulturen des Kuban gebietes). ESA, IV, 9—21.

2. Погребения в урнах.

Впервые с погребениями в урнах в Абхазии пришлось столкнуться при обнаружении могильника в сел. Петропавловке Гудаутского района.

Погребальный инвентарь этого могильника состоял из бронзовых предметов, чрезвычайно близко подходящих по своему типу к предметам из могильников Кобани в Северной Осетии, описанных еще Уваровой.

Особенно характерными были: топор, типичной „кобанской“ формы „шейные обручи“, фибулы, украшения в виде спиралей и пр.

Петропавловская находка была описана В. И. Стражевым в четвертом выпуске „Известий Абхазского Научного Общества“ за 1926 год.

Устанавливая несомненную связь поздней палеометаллической эпохи Абхазии с таковой же Северной Осетии, эта находка тем не менее не давала возможности установить более или менее точно ни эпоху, к какой она относилась, ни самого способа погребения.

Большое количество предметов погребального инвентаря, обогатившее Гос. Музей Абхазии, обнаруженное как на месте первоначальной находки, так и у местных жителей, указывало с несомненностью, что здесь идет речь не о единичных находках, а о наличии, по крайней мере, двух могильников, но самый способ был неясен. Имелись ясные указания на погребение в урнах, но и только. Найденные отдельные фрагменты урн не давали возможности судить об их форме и точных размерах.

Предпринятые в том же году, в сел. Петропавловском раскопки, сначала мною и В. И. Стражевым, а затем уже, в более широких размерах, проф. А. С. Башкировым, не дали, кроме нескольких незначительных находок, никакого положительного результата.

Вслед за Петропавловской находкой в течение последних лет был сделан еще ряд находок отдельных предметов и целых погребений, относящихся к той же „кобанской“ культуре, в различных пунктах Абхазии, главным образом, в Гудаутском, Сухумском и Кодорском районах.

Несомненно, бронзовые предметы, схожие по типу с инвентарем могильников Кобани, были находимы в Абхазии и раньше.

О некоторых из этих находок упоминалось и в литературе. Я уже указывал, что А. Миллер поместил в Известиях Археологической Комиссии за 1909 год рисунок топорика из селения Ачандары Гудаутского района. Уварова упоминала о находке в Абхазии формы для отливки бронзы¹. Ботаник Альбов, в Сатанджо Гальского района, видел топорик, наконечник копья и фибулу из бронзы².

Все эти находки, как-то не привлекали ничьего внимания и обходились молчанием.

Находка в Петропавловке дала толчок к более энергичному исследованию и выявлению аналогичных находок.

Прежде всего, в самом музее Абхазского Научного Общества (ныне Государственный Музей Абхазии) было обнаружено несколько предметов, того же „кобанского“ типа.

Во-первых — бронзовый наконечник копья, совершенно аналогичный найденным в с. Петропавловке. Наконечник найден был монахом в Новом Афоне, в 1919 г.

Затем — два украшения в виде резных пуговиц и две подвески, одна с фигуркой, напоминающей петуха, из окрестностей Сухума.

Наконец — три крупных украшения в виде пряжек с крючком. Одно из них украшено изображением баранов. Предметы эти были найдены в сел. Эшери Сухумского района, в 10 км от Сухума.

Вслед за тем стали выясняться и частью поступать в музей находки подобных же предметов. За время с 1926 по 1933 г. удалось зафиксировать следующие находки:

У одного местного любителя в Сухуме — В. Х. Фоменко, — оказалось два бронзовых браслета и две подвески с изображениями быка и барана, найденные на р. Кодоре, в сел. Адзюбже Кодорского района.

¹ Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, в. VIII. № 1. 1900.

² Альбов Н. М. Этнограф. наблюд. в Абхазии. „Жив. Стар.“, в. 3. СПб. 1893.

По близости от Нового Афона (Псырца) в сел. Анухва жители часто находили предметы из бронзы. Из них в Музей Абхазского Научного Общества были доставлены одним из членов Общества — „шейный обруч“, очень схожий с шейными обручами из Петропавловки, и бронзовый браслет.

У археолога-любителя — А. Л. Лукина, в Гудаутах оказалась большая коллекция бронзовых предметов „кобанской“ культуры, одновременно собранных им в Гудаутском районе.

Среди коллекции А. Л. Лукина особенно интересны — большая застёжка с подвесными колокольчиками и фигуркой всадника, а также небольшая фигурка, вероятно, подвеска, изображающая человека, сидящего на чем-то, вроде кресла и пьющего из сосуда в форме рога.

В сел. Ачандары Гудаутского района, у одного из „хранителей“ священной горы Дыдрыпш, пришлось видеть несколько бронзовых предметов, несомненно, принадлежащих той же „кобанской“ культуре. В том числе типичные кобанские топорики со звериным орнаментом.

В 1927 году, в сел. Абгархук Гудаутского района, был найден сломанный бронзовый браслет.

Была обнаружена „кобанская“ бронза и в Сухумском районе, помимо упоминавшейся уже старой находки в сел. Эшеры и таковой же в окрестностях Сухума.

В самом Сухуме, у одного из старожилов оказался топорик, найденный несколько лет тому назад на северной окраине города, недалеко от еврейского кладбища. Топорик этот, — несомненно, „кобанского“ типа (рис. XIII).

В 1928 году, в Сухуме, на ул. Миха Цхакая, найден плоский бронзовый браслет.

В 1929 году, в Сухумском Ботаническом Саду, найден бронзовый топор тоже „кобанского“ типа, но массивный и тяжеловесный, похожий на топоры, найденные в с. Лабры и Лечкоопе (см. ниже).

В ближайшем соседстве с Сухумом, в пригородном селении Лечкооп, на участке крестьянина Партху Момпория, найдено в период 1925 — 1930 гг. несколько бронзовых топориков, аналогичных найденному в Сухуме, но более массивных.

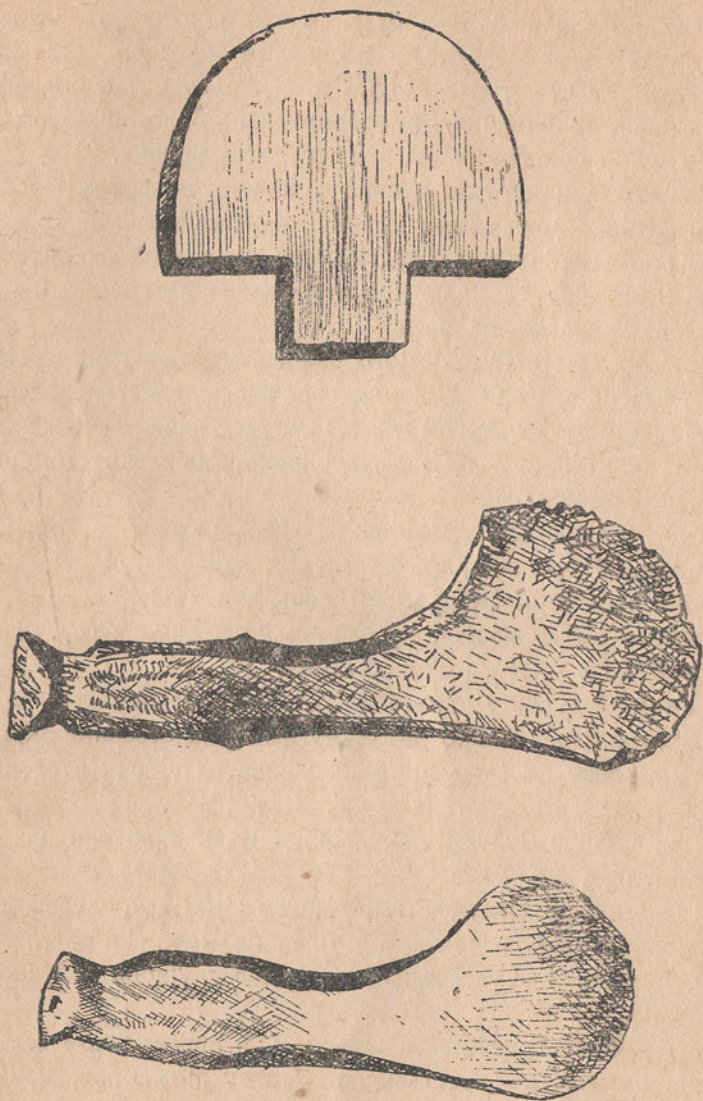

Рис. XIII, XIV, XV.

Рис. XIII. Топор из Сухума. Рис. XIV. Топор из Лабр. Рис. XV. Слиток бронзы в форме плоского топорика.

Топоры в Лечкоопе найдены были на восточном крутом разбитом склоне холма, на котором у П. Момпория находилась табачная плантация. Топоры эти, числом до 15, найдены при обработке почвы под табак. Часть их утеряна, — часть еще находится у Момпория, а два поступило в Гос. Музей Абхазии. При находке одного из этих топоров была обнаружена небольшая каменная кладка. Никаких следов нахождения здесь могильника не обнаружено.

В том же селении Лечкооп в 1933 году найден бронзовый топорик „кобанского“ же типа, но легкой и изящной формы с прекрасной, зеленоватого цвета, блестящей патиной, напоминающей эмаль. Топорик этот находится в Гос. Музее Абхазии.

Некоторые мелкие бронзовые вещи находятся у русских крестьян селения Ново-Черниговка. Найдены они на земле того-же селения.

Что касается южной части Абхазии — Абжуа и Самурзакани, т. е. Кодорского и Гальского районов, то здесь число находок предметов „кобанской“ культуры — меньше, чем в Гудаутском и Сухумском районах. Это объясняется просто большей удаленностью этих районов от Сухума и меньшим их обследованием. Помимо старых находок в Сатанджо — на правом берегу р. Ингура и в Адзюбже — на левом берегу р. Кодора, о которых упоминалось выше, — удалось зафиксировать следующие находки:

Крупная находка была сделана уже в наше время, около 1926 года, в сел. Лабры Кодорского района.

Здесь были найдены топоры типичной для кобанской бронзы формы, но массивные и без орнаментов.

Несколько из этих топоров находятся и сейчас в Гос. Музее Абхазии (рис. XIV). Могильника при этой находке обнаружено не было.

Весной 1930 года, в Южной Абхазии были сделаны две находки.

В сел. Качара Кодорского района, крестьянин Ивлон Шегелия на своем участке нашел несколько слитков необработанной бронзы. Некоторые из этих слитков весили 8 — 10 кг. Один из них, весом около 4 кг, Шегелия доставил 23.IV.1930 г. в Кодорский Исполком в Очемчиры, где я его и видел.

Эта находка, ровно как находки подсобных же слитков в Эшерском могильнике (см. ниже), и находка в Сухуме на участке Р. И. Какуба глиняного сосуда, наполненного слитками бронзы в форме плоских топориков (рис. XV), заставляют с большой уверенностью заключить, что большинство предметов „кобанской“ культуры выделялись здесь же на месте, на территории Абхазии.

В трех километрах от Гали, при земляных работах по постройке Черноморской жел. дороги было обнаружено погребение в глиняной урне. В урне, кроме костей, ничего не было. Урна была разбита, а кости разбросаны. Одну из берцовых костей взял председатель Гальского Исполкома — Х.

Особо следует отметить Аагстинское погребение.

В начале мая 1929 года в Абхазии было обнаружено погребение с бронзовым инвентарем „кобанского“ типа. На этот раз повезло опять таки Гудаутской Абхазии, а именно, погребение найдено в сел. Мугудзырхва Гудаутского района в местности Аагста.

Обстоятельства обнаружения погребения несложны — на него наткнулись рабочие, копавшие межевую канаву на участке кр. Джигоната Хварцкия.

Местность Аагста расположена в 1 км от моря и полутора километрах от реки Мчиш (Черная) на высоте около 44 м от уровня моря. Это — склон холма, имеющий общую покатость от С к Ю. Весь склон распахан, но к Ю и к В сохранился еще лес из старых буков и грабов. Лет 15 тому назад вся местность была покрыта лесом. Склон перерезан канавой, окаймляющей дорогу. На нижнем участке канавы, идущем с СЗ на ЮВ и было обнаружено погребение.

Найденные рабочими предметы погребального инвентаря были ими принесены в г. Гудауты и здесь их увидел член Абхазского Научного Общества — А. Л. Лукин. Выехав на место находки, А. Л. Лукин обнаружил еще несколько предметов, незамеченных рабочими.

Инвентарь погребения довольно богат: три бронзовых топора „кобанского“ типа, из них — два с орнаментами, четыре массивных бронзовых ножных браслета, шесть бронзовых предметов, повидимому, поясных украшений в виде конуса с фи-

гурками быка, баранов, собаки и птицы на вершине, одна бронзовая пряжка с головкой животного, два ожерелья — одно из 32 каменных, повидимому, сердоликовых бус, и другое из 28 бронзовых бус в виде двух конусов, сложенных основаниями. Кроме того, найдены обломки листовой бронзы, фрагменты глиняных сосудов красной и черной глины, куски камня и фрагменты человеческих костей, сохранившихся благодаря тому, что они пропитались солями меди.

Погребение обнаружено на глубине 0,5—0,6 м. Взаимное расположение найденных предметов зафиксировано А. Л. Лукиным. Целость погребения была нарушена сползанием верхнего слоя почвы.

Все найденные предметы поступили в Государственный Музей Абхазии.

При осмотре места находки удалось установить, что на всем склоне, в нижней части которого найдено погребение, замечается присутствие небольшого культурного слоя, с довольно значительным количеством фрагментов глиняной посуды грубой работы красной и черной глины. Фрагменты эти аналогичны найденным в погребении. Глубина залегания замеченного слоя — около 0,5 м, толщина его 0,15—0,20 м.

Не исключена возможность существования на том же склоне и других погребений, но для обнаружения их требуются большие земляные работы.

Из предметов, найденных в Аагстинском погребении, особое внимание привлекли ножные бронзовые кольца-браслеты. Внутренний диаметр их таков, что они в пору только ребенку, но весь остальной инвентарь погребения и сохранившиеся части костяка указывают, что здесь имело место погребение взрослого человека. Несмотря на оживленные дебаты, возникшие по поводу этих колец в заседании Абхазского Научного Общества, вопрос о них остался нерешенным. Я лично придерживался и придерживаюсь того мнения, что кольца эти, как это наблюдалось и наблюдается и теперь у некоторых негритянских народностей Африки, надевались, вероятно, в детстве и затем уже не снимались с ног во всю жизнь, вrostая в тело. Конечно, это должно было причинять владельцу этих колец большие неудобства.

Несмотря на все богатство своего инвентаря, Аагстинское погребение не давало возможности разрешить вопрос о способе погребения. Хотя здесь и не было никаких следов погребальной урны, но принимая во внимание, что все погребение сползло вместе с верхним слоем почвы со склона холма к его подножию, целостность урны должна была быть нарушена. Сказать, что здесь мы имеем дело с погребением без урны с полной уверенностью нельзя, — а только предположительно.

Все эти находки, устанавливая какую-то отдаленную связь „кобанской“ бронзы Абхазии и Осетии и более близкую связь ее же с бронзой Западной Грузии, где предметы „кобанской“ культуры встречаются довольно часто, не рисовали еще отчетливой картины самого способа погребения и не давали возможности судить об эпохе, к которой относятся эти погребения.

Новая находка могильника с предметами „кобанской“ культуры и лежащих около него селищ дает довольно отчетливую картину способа погребения и некоторые указания на эпоху и народность, к которым относятся эти погребения.

Вновь открытый могильник находится в сел. Эшери Сухумского района в поселке Амжасара на территории колхоза „Путь Ленина“, в 11 км. от Сухума и в $\frac{1}{2}$ км. от шоссе, ведущего из Сухума в Гагры.

Обнаружен могильник был весной 1930 г. при обработке почвы под посадку табака. Он расположен на восточном склоне небольшого хребта, идущего к С от шоссе. Это — довольно крутой скат, сильно размываемый водой, с небольшим слоем почвы.

При осмотре могильника в июле 1930 года было обнаружено три погребения, расположенных в расстоянии 15 м. друг от друга на одной и той же горизонтали.

Костяки и погребальный инвентарь находились в больших глиняных сосудах (урнах). Урны стояли на плоских плитах известняка и находились не глубже, как на 0,5 м. от современного уровня почвы.

Большая часть погребального инвентаря была доставлена в Гос. Музей Абхазии. К сожалению, все три урны были разбиты крестьянами. На месте находилось огромное количество фрагментов этих урн, человеческих костей, мелких обломков литой бронзы и пр. Из костей были найдены кости черепа,

ребра, позвонки, трубчатые кости конечностей, фаланги пальцев, т. е. в разрозненном виде почти все кости скелета. По словам находчиков, в первом, южном, погребении в урне было два костяка, а во втором и в третьем по одному.

Из обломков урн удалось почти полностью восстановить урну первого погребения, содержавшего два костяка.

В первых двух погребениях находился следующий инвентарь:

1. Бронзовый топор с бронзовой же рукоятью (из первого погребения). По форме этот топор совершенно аналогичен с топорами, которые Уварова относит к типу Г, т. е. прямолинейный, с вытянутым корпусом, покрытым ребрами и с острой ребровидной молоточной частью. Следов орнамента нет. Что касается рукоятки, то, насколько известно, подобных находок сделано до сих пор не было. Длина топора 16 см, длина рукояти 29 см, овальное отверстие 4×2 см. Рукоять имеет в разрезе форму овала. Верхняя часть ее плотно подогнана под отверстие топора, затем она постепенно суживается, а на самом конце слегка расширяется (рис. XVI, 3).

2. Кинжал — небольшой по размеру, но изящной формы. Без рукояти с большим стержнем. Во всю длину кинжала идут, заканчивающиеся у верхнего края острия три острых ребра, образующие два желобка. Общая длина кинжала 28 см, длина стержня 3 см, наибольшая ширина лезвия у рукояти 3 см. Кинжал этот очень похож на кинжал из Кобани, изображенный у Уваровой на табл. XIII т. VIII. — Мат. по арх. Кавказа (рисунок XVI, 16).

3 и 4. Два аналогичных кинжала, без рукояти, но со стержнем. По середине вместо ребер четыре выгравированных полосы. В стержнях для прикрепления рукояти небольшие круглые отверстия. У обоих экземпляров концы лезвий обломаны находчиками. Размеры без обломанных концов: первого кинжала — 21,5 см, стержня 2,5 см, не хватает 2 — 2,5 см, так что общая длина должна быть около 25 см. Ширина 3,3 см. Второго кинжала — длина 21 см, стержень 3,5 см, не хватает 2 — 2,5 см, наибольшая ширина 3,3 см (рис. XVI, 1°).

5. Небольшой короткий и узкий кинжал, вместо стержня — втулка для насадки на рукоятку. Во всю длину лезвия три выгравированных полосы. Мог служить и острием копья. Ко-

Рис. XVI.

Урна и погребальный инвентарь из Могильника в сел. Эшери.

нап втулки обломан. Общая длина 20,1 см, втулка — 3 см.
(рис. XV, 1^а).

6 — 9. Четыре наконечника копья с резко очерченными под прямым углом остриями и длинными полыми втулками, доходящими почти до конца острия. Размеры: первого — длина 26 см, длина втулки 16,5 см, наибольшая ширина острия 3,5 см. Второго — длина 27 см, длина втулки 16,5 см, наибольшая ширина 4 см. Третьего — длина 25 см, длина втулки 15,5 см, наибольшая ширина 3,3 см. Четвертого — длина 23 см, длина втулки 13,5 см, наибольшая ширина 3,4 см, конец лезвия обломан (рис. XVI, 2).

10—11. Два ножных кольца, массивные, круглые, гладкие, с разрезом. Наружный диаметр 11,5 см, внутренний 6,5 см, толщина 2,5 см (рис. XVII, 1^б).

12. Такое же кольцо. Наружный диаметр 11,8 см, внутренний 6 см, толщина 2,9 см. Несмотря на то, что это кольцо больше по размеру предыдущих, оно много легче, повидимому, внутри пустота (рис. XVII, 1^а).

13. Ручной браслет в виде разрезного цилиндра с четырьмя сильно выдающимися круговыми ребрами. Высота цилиндра у разреза 10 см, у противоположного конца — 11,5 см. Наружный диаметр (по ребру) 9,5 см, внутренний 7,5 см (рисунок XVIII, 2).

14—17. Четыре бронзовых украшения в виде полых конусов, увенчанных двойными звериными головками. Головки зверей весьма схожи с головками фантастических животных, часто встречающихся у предметов из Кобани и напоминающих не то какого-то хищника, не то лошадь. Внутри конусов — петельки. Высота всех украшений — 6 см, диаметр конуса внизу — 5 см (рис. XVII, 3).

18—19. Две бронзовых бусы в виде двух сложенных оснований конусов (рис. XVII, 5).

20 — 21. То же, но более массивные, конусы более вытянуты, длина около 4 см (рис. XVII, 5).

21. Фрагменты пояса из листовой бронзы, всего до 12 фрагментов разного размера (из первого погребения). На концах имеется по прикрепленной заклепками пластинки со звериными головками того же типа, как и предыдущие. На одной стороне

головка отломана. Ширина пояса около 4,3 см. Общая длина всех фрагментов около 110 см (рис. XVII, 5).

23. Четырнадцать фрагментов листовой бронзы разной величины, повидимому, от колчана, или шлема. На одном из

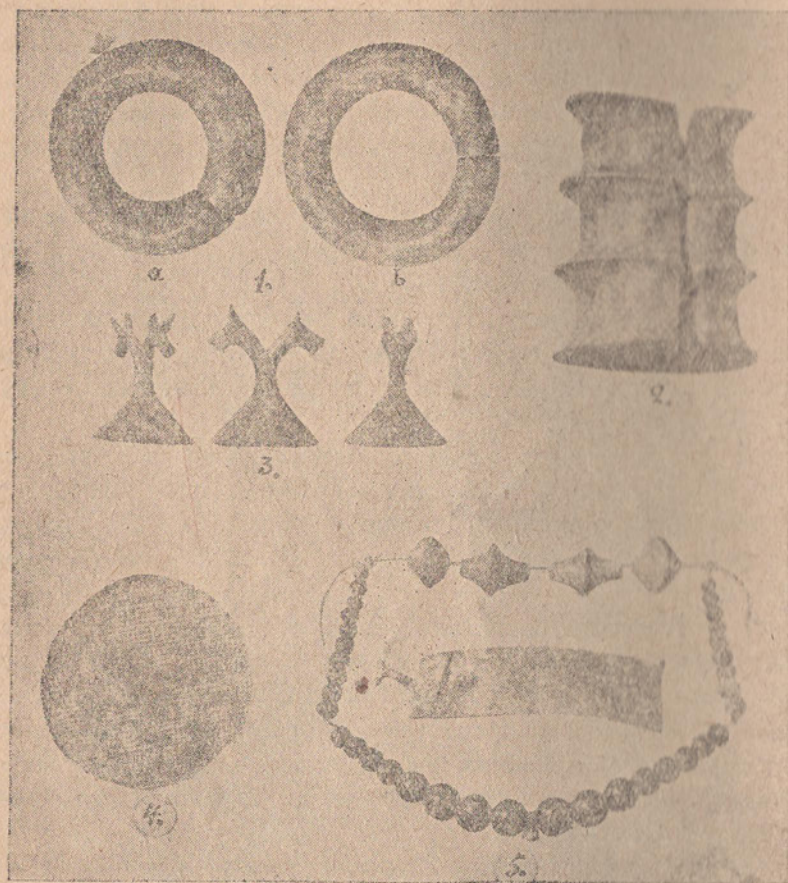

Рис. XVII. Погреб из могильника в с. Эшери.

фрагментов сохранилось крепление посредством бронзовой пластинки. На другом фрагменте есть три круглых больших отверстия, возможно, что над ними были прикреплены вышеупомянутые конусообразные украшения.

24. Два куска бронзы. Один сохранил форму дна сосуда, в который была налита бронза (рис. XVII, 4).

25. Два куска сильно окислившегося белого мягкого металла, повидимому, олова. Один имеет форму дужки или ручки, а другой трубчатый.

26. Ожерелье из круглых бус, сделанных из красноватого полупрозрачного камня (сердолик). Бус было около 100 штук, но они были разобраны крестьянами и удалось собрать 34 штуки.

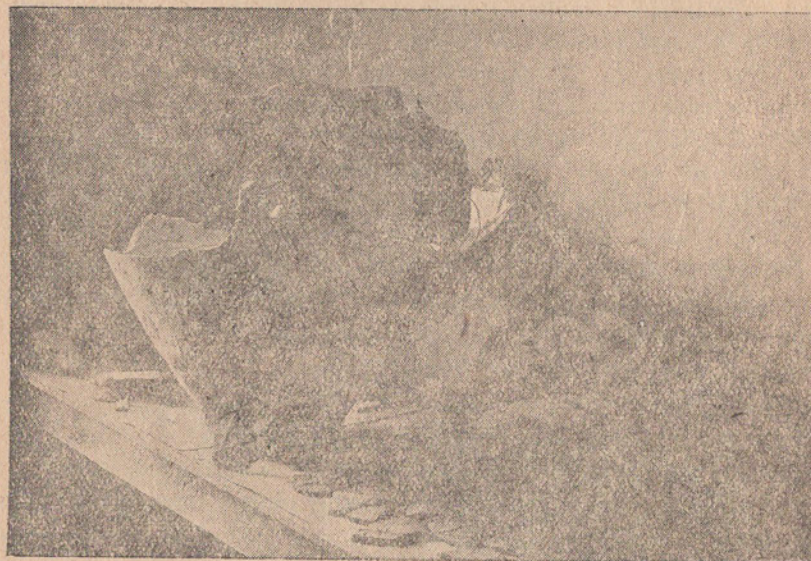

Рис. XVIII. Погребальная урна во время реставрации.

Размер бус от горошины до грецкого ореха. Синяя стеклянная подвеска, в виде усеченной четырехгранной пирамиды (рис. XVII, 5).

В третьем погребении был один костяк без инвентаря.

Сосуды (урны). Урны первого погребения из серовато-черной глины с большой примесью песка. Наружная сторона лощеная черная, с рубчатым орнаментом (рис. XVI, 4 и XVIII), образующим рисунок в виде треугольников. Внутренняя сторона покрыта параллельными линиями, идущими в разных направлениях (следы обработки на гончарном круге). Форма урны — большой горшок с широким горлышком. Высота сосуда около

100 см, диаметр дна 25 см, диаметр горлышка около 40 см, наибольший диаметр 80—85 см, толщина стенок в среднем около 1 см.

Урна второго погребения — из красновато-желтой глины с большой примесью крупного песка. Внутренняя сторона гладкая красная. Наружная лощеная, густо черного цвета; вверху выпуклый пояс, шириной около 1,5 см, пояс покрыт рядом параллельных полосок, разделенных косыми, глубоко врезаемыми полосами (рис. XIX, 2). Остальная поверхность урны покрыта елочным выпуклым орнаментом. Форму и размер урны определить не удалось. Толщина стенок 0,75 см.

Урна третьего погребения — из желтой глины. Внутренняя сторона гладкая сероватого цвета, наружная — лощеная черного цвета с рубчатым орнаментом. Толщина стенок — 0,50 см.

Судя по толщине стенок и количеству обломков, вторая и третья урны были значительно меньшей величины, чем первая. В непосредственной близости от могильника было обнаружено два селища (рис. XX). Одно из них находится на вершине холма, на восточном склоне которого расположен могильник, в нескольких десятках метров выше погребений. Вся вершина этого холма, не менее 3—4 га, довольно обильно покрыта керамическими обломками, по типу совершенно схожими с керамикой урн. Среди этой керамики попадалась и керамика из красной, хорошо обожженной, глины. Здесь было заложено два шурфа. Один — на стыке границ участков колхоза, кр. Маркарьяна и быв. участка известного художника Верещагина. Был обнаружен культурный слой, начинающийся с поверхности и достигающий до 0,40 м. Слой содержал значительное количество фрагментов глиняной посуды и раздробленных костей животных. Среди фрагментов посуды, аналогичной по технике и орнаменту (рис. XIX, 4—7) с урнами (рис. XIX, 1—3) в коих найдены погребения, обнаружена и посуда древне-греческого типа — амфорные доньшки и ручки из красной хорошо обожженной глины и фрагмент небольшого черно-лакового сосуда с тоненькой изящной ручкой.

Второй шурф был заложен на той же вершине холма на быв. участке художника Верещагина, в нескольких десятках метров от первого, ближе к участку кр. Егия Арзуманяна. Здесь культурный слой оказался толще — до 0,60 м. Состав его тот

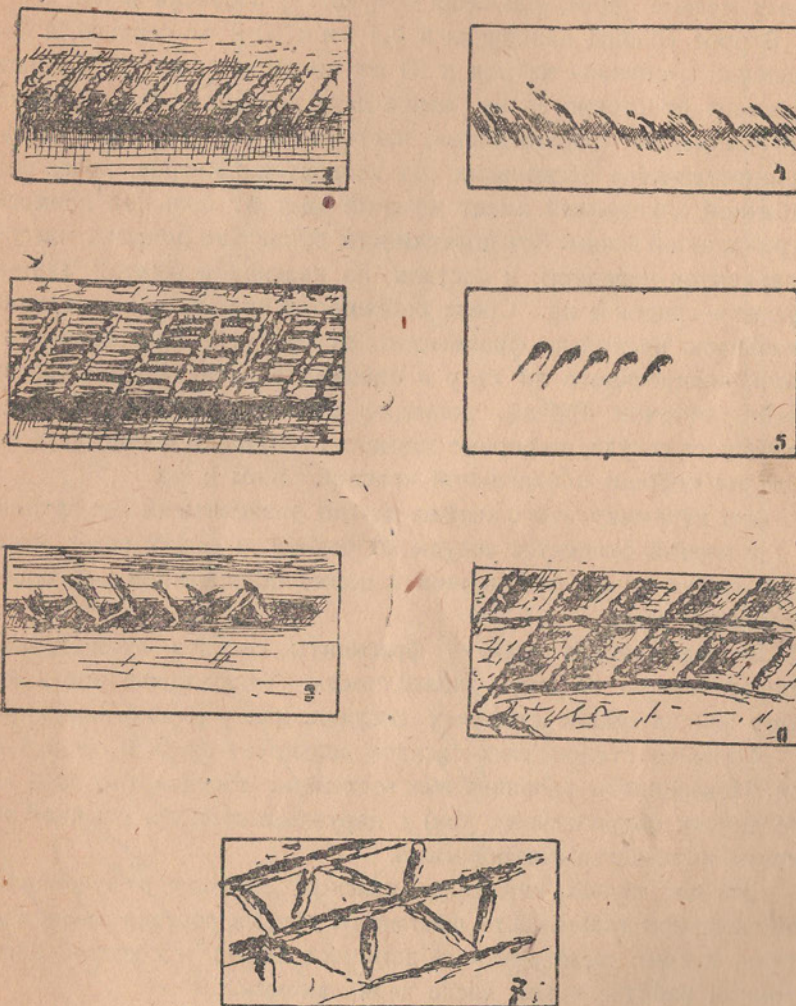

Рис. XIX. Орнаменты на погребальных урнах и керамике из селища в сел. Эшеры.

же, т. е. обломки костей животных и фрагменты посуды типа погребальных урн и из красной хорошо обожженной глины. Количеством фрагменты посуды первого типа значительно преобладали над вторым. На этом же селище крестьяне часто находят мелкие бронзовые вещи — булавки, подвески и пр.

Второе селище находится в 0,5 км к Ю-В от первого, в нескольких десятках метров к Ю от конторы колхоза. Селище занимает пространство не менее двух гектаров. Расположено оно частью на склоне холма, частью на его вершине. Здесь, на пространстве нескольких сот квадратных метров, почва под табачной плантацией имеет красный цвет от большой примеси пережженной глины. Вся поверхность буквально покрыта массой фрагментов черепицы и сосудов из красной и желтой глины, кусками шлака и пр. Среди собранного подъемного материала оказалось: несколько фрагментов от сосуда с толстыми стенками, аналогичного по типу и орнаменту погребальным урнам, кусок листовой бронзы, доньшко от черно-лакового древнегреческого сосуда, амфорные доньшки, горлышко небольшого сосуда из хорошо обожженной красной глины и пр.

Всю керамику этого селища можно разделить на две группы.

К первой относятся сосуды из черной и серой, реже красной глины, плохо отмученной и плохо обожженной с большой примесью песка.

В большинстве случаев фрагменты сосудов этой группы имеют черную лощеную поверхность. Такая поверхность бывает или на обеих сторонах сосудов, или у одной наружной.

Толщина стенок этих сосудов варьирует от 0,30 см до 2,70 см. Поверхность больших толстостенных сосудов (по всей вероятности погребальных урн) с наружной стороны обычно покрыта параллельными полосами.

Вторая группа керамики — красной, хорошо отмученной и обожженной глины. Есть фрагменты грубых сосудов амфорного типа, в том числе ручки и доньшки амфор и сосудов более тонкой работы, в том числе чернолаковых.

Кроме керамики, при вторичном осмотре этого селища, опять были найдены в небольшом количестве обломки листовой бронзы, кости животных, шлак и уголь.

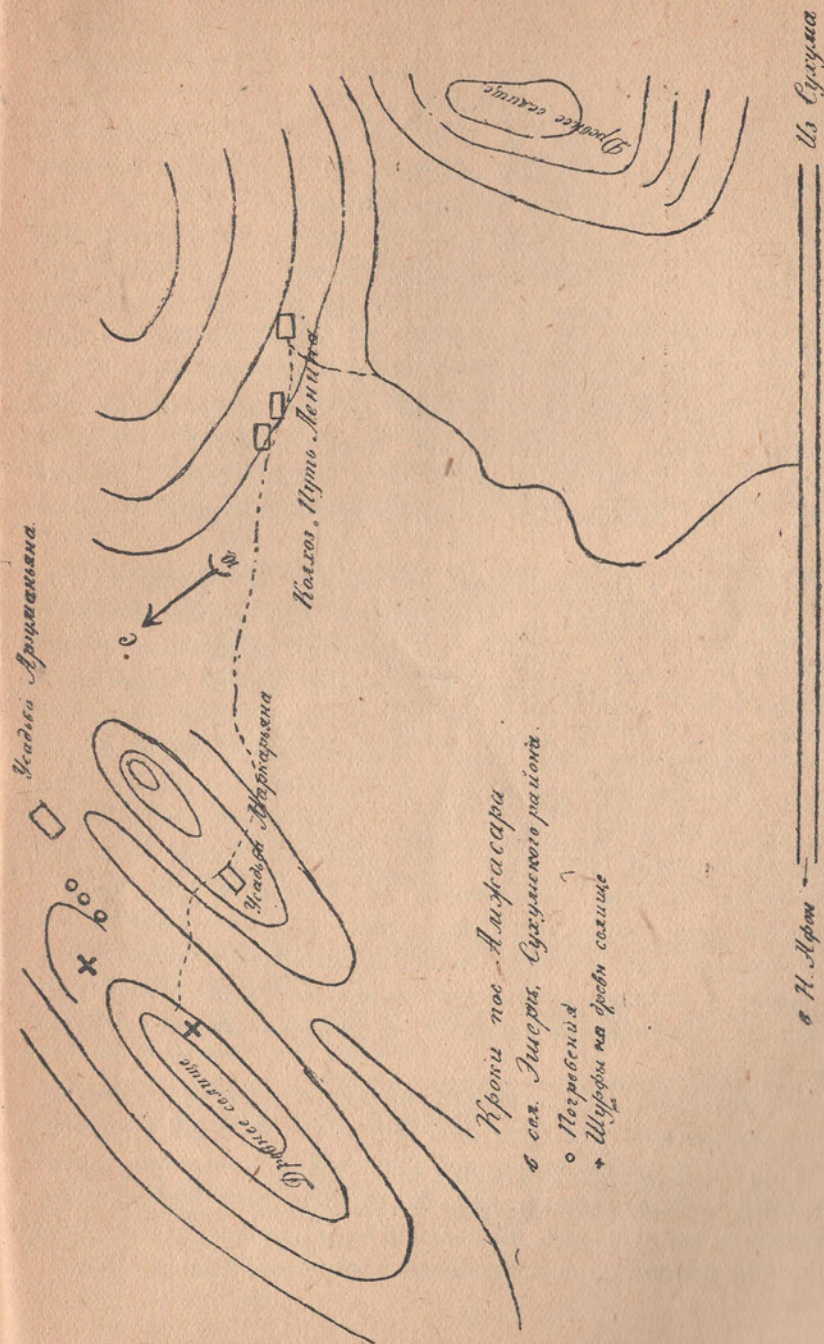

Рис. XX. Кроки пос. Амжасара в сел. Эшери.

Вершина холма образует ровную площадку. В северо-восточной части ее находится ряд земляных бугров. Здесь, по всей вероятности, скрыты остатки фундаментов. Тут же находится довольно большая яма с оплывшими краями.

По словам крестьян, на этом селище были развалины какого-то здания из хорошо отесанного белого камня. Камень этот пошел на постройку армянской церкви.

Обращаясь к оценке эшерских находок, прежде всего надо остановиться на способе погребения. Несмотря на большие размеры урн, они все-таки не таковы, чтобы урны могли вместить целый труп, а тем более два трупа, как это имело место в первом погребении, размер урны которого выяснен точно. Очевидно, в урнах помещались только кости и погребальный инвентарь—оружие, украшения и пр. Никаких следов трупосожжения абсолютно не обнаружено, т. е. трупу давали возможность сначала разложиться, а потом кости собирали и погребали в урне.

Погребение в Петропавловке носило тот же характер, так как там были обнаружены погребальные урны весьма схожие с эшерскими. Что же касается погребения, найденного в мае 1929 года в сел. Мугудзырхва в местности Аагста Гудаутского района, то там никаких следов урн не обнаружено, хотя инвентарь погребения очень схож с инвентарем эшерского погребения. Предположительно можно установить, что существовало два типа погребения—одно в урнах, а другое просто в земле.

Одновременные находки в культурном слое Эшерских селищ фрагментов посуды, аналогичной по технике и орнаменту с погребальными урнами, и посуды древне-греческого типа позволяют принять, как рабочую гипотезу, одновременность существования в Абхазии „кобанской“ культуры с культурой эллинской и эллинистической эпохи, т. е. приблизительно от VI до II в. до н. э.

Как известно, определенного мнения о времени существования „кобанской“ культуры нет. Ее относят то к XV в. до н. э. (Шантр), то к началу нашей эры (Толстой и Кондаков). Эшерские могильник и селища, как будто позволяют более точно приурочить эту культуру, по крайней мере для Абхазии, к эпохе эллинской колонизации восточного побережья Черного моря.

Находки предметов „кобанской“ культуры с ее характерными топорами разбросаны по всей Западной Грузии и заходят с одной стороны в Абхазию, а с другой в Сванию. Эта территория в эллинскую и эллинистическую эпоху была населена колхами, соанами, свано-колхами, иниохи, кораксами и другими народностями, о которых древние авторы сообщают крайне скудные сведения. Можно только заметить, что племена, населявшие Абхазию (иниохи, кораксы, свано-колхи и др.) обычно называются колхидскими племенами.

В настоящем случае нас интересуют их погребальные обряды. Ряд классических авторов (Апполоний Родосский, Нимфодор Сиракузский, Клавдий Элиан и др.) сообщают, что у колхов был обычай класть своих покойников в сырые бычачьи шкуры и подвешивать на деревьях. Некоторые добавляют, что так хоронили только мужчин, а трупы женщин предавались земле.

Наиболее подробно говорит об этом Апполоний Родосский¹. „И теперь еще считается у колхов за преступление жечь трупы мужчин, или даже зарывать их в землю и засыпать курганами. Их кладут в необделанные бычачьи кожи и далеко за городом вешают на деревья, но и земля получает свое, как и воздух ибо ей предаются трупы женщин. Таков уж у них закон“.

То же, но более кратко повторяют и другие авторы.

Нимфодор Сиракузский² — „У колхов не принято ни сжигать, ни хоронить трупы мужчин. Трупы эти они кладут в свежие кожи животных и вешают на деревьях. Трупы же женщин они предадут земле“.

Николай Дамасский³ — „Колхи не хоронят умерших, но вешают их на деревьях“.

Псевдо-Плутарх — „Колхи кладут мертвых в кожи, зашивают их и вешают на деревьях“.

Клавдий Элиан⁴ — „Колхи хоронят покойников в кожах, зашивают их и вешают на деревьях“.

¹ В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели, стр. 412 — 424. Записки И. РАО, т. XI. СПб. 1900.

² Там же. Стр. 409.

³ Там же. Стр. 455.

⁴ Там же. Стр. 608.

Повидимому, обычай этот давно исчез в Мегрелии и в других местах Западной Грузии, но еще долго держался в Абхазии.

Патер Ламберти¹, живший в середине XVII в. в Мегрелии, рассказывает: „У абхазцев есть замечательный обычай, которого нельзя найти ни у одного народа в мире, а именно: покойников не хоронят, но вешают на дереве следующим образом — выдалбливают ствол дерева на подобие гроба, кладут туда покойника и крепкой виноградной лозой подвешивают к верхушке дерева. На этом же дереве вешают все оружие, которое покойник в жизни употреблял на войне“.

Далее Ламберти рассказывает о том, как поступают с лошадей умершего.

Аналогичный рассказ имеется и у Вахушти².

„По вере христиане,—говорит он об абхазцах,—но невежи во всем: их можно сравнить с идолопоклонниками, ибо мертвецов своих не хоронят; но вместе с их же украшениями и доспехами и одеждою, положив в гроб, кладут на деревья и, если мертвец засвистит при помощи дьявола, верят, что он спасен будет“.

К XIX веку этот обычай сохранился у абхазцев только в виде редкого пережитка и употреблялся в случае похорон человека, убитого молнией³. Обряд этот сводился к следующему: к телу пораженного молнией собиралось все селение, образовывали вокруг него круг и пением, пляской и музыкой старались возратить его к жизни. Предполагалось, что печаль может погубить оглушенного, а потому все старались выказать веселье.

¹ Арканджело Ламберти. Описание Колхиды.

² Царевич Вахушти. География Грузии. Зап. Кав. Отд. Рус. Геогр. Общ. Кн. XXIV, в. 5.

³ С. Званбай. Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии (из записок природного абхазца).—„Кавказ“. 1855. № 81.

Х. Хоросани. Сухум. (Корреспонденция „Кавказа“).—„Кавказ“. 1873. № 150.

М. Джанашивили. Абхазия и абхазцы. (Этнографический очерк). Тифлис. 1893, стр. 52, 53.

Старик, выполнявший роль жреца, запевал песню, хор присутствующих ему отвечал. Слова этой древней песни приводятся Х. Хоросани, но они непонятны сейчас и самим абхазцам.

Когда убеждались, что умерший уже больше не оживет, то устраивали особый навес или вышку, покрытую папоротником, на который и клали покойника. Эти вышки назывались по-абхазски „а-шюынкет“. Подобные „а-шюынкет“ с покойниками, говорит Хоросани, „попадались очень часто в прежнее время, а теперь, кажется, местная власть преследует их“. От нападения хищных зверей „а-шюынкет“ защищались заборами.

Интересно, что обычай этот существовал не только у коренных абхазцев, но и у самурзаканцев. Это видно из того, что в песне, которая поется у тела оглушенного молнией и которую приводит Хоросани, упоминается Темургвари, как называли в Самурзакани бога грома и молнии. У коренных абхазцев этот бог носит имя Афы.

Тело убитого громом, положенное в гроб, оставалось на „а-шюынкет“, как говорит Соломон Званбай, „до тех пор, пока не останутся одни кости. После этого гроб снимают с вышки и предают его с костями земле“. Затем устраивают поминки.

Следы этого древнего двойного погребения можно и до сих пор видеть в обычае абхазцев справлять через год после смерти и похорон поминки „апсхура“. При этом „апсхура“ справляется с большей пышностью и большими ритуальными подробностями, чем самые похороны. Из этих подробностей особенно интересно устройство „аншан“, т. е. куклы, одетой в платье покойного. Рядом с „аншан“ вешалось оружие умершего. Возле него устраивалось дежурство, производилось оплакивание и пр., как и на самих похоронах.

Подвешивание трупов на деревьях не является обычаем, присущим только древним колхам и абхазам в их недалеком прошлом. Он имеет широкое распространение и в настоящее время почти во всех частях света.

В некоторых случаях это просто следующий шаг от простого оставления трупа где-нибудь в кустах или в лесу, как поступали бродячие австралийцы с трупами женщин, к более

сложной форме погребения, быть может просто вызванной желанием оградить труп от хищных зверей. При этом труп, подвешенный на дереве, оставляется затем на произвол судьбы. Такой способ погребения наблюдается у примитивных народов без развитых религиозных представлений.

В других случаях подвешивание трупов на деревьях является только частью более сложного погребального ритуала. Труп дают разложиться с тем, чтобы когда останутся одни кости, подвергнуть их вторичному погребению. С костями поступают различным образом—иногда их хоронят в земле, иногда хранят у себя, как святыню, а некоторые народности бросают в воду или сжигают.

При таком двойном погребении труп не всегда подвешивается на деревьях, иногда его зарывают в землю с тем, чтобы, спустя некоторое время, выкопать кости, а то и просто оставляют на поверхности земли, прикрыв листьями или хворостом.

Примером простого погребения путем помещения покойника на дереве или на высоком помосте с оставлением затем трупа на произвол судьбы, могут служить следующие погребальные обычаи у современных отсталых народов.

У австралийцев, наряду с трупосожжением и погребением в сидячем скорченном положении, есть обычай класть покойников над землей на высоких деревянных подмостках и покрывать их ветвями кустарника¹.

Индейцы северо-американских прерий (сиу, команчи, дакота, и др.) хоронили мертвых над землей на вышках или в ветвях высоких деревьев².

Эскимосы на Аляске хоронят покойников в сидячей позе в ящиках, поставленных на столбах³.

У негритянского племени баяка на Гвинейском берегу тела бедных людей завертывают в кожи, несут в лес и привязывают к ветвям какого-нибудь дерева⁴.

¹ Фр. Гельвальд. Естественная история племен и народов, т. I. стр. 58. СПб. 1885.

² Г. Бушан. Иллюстрированное народоведение. В. Крикенберг. Америка.

³ Там же.

⁴ Фр. Гельвальд. Там же, т. II, стр. 159.

Еще больше примеров двойного погребения, причем во многих случаях покойника предварительно помещают на дереве, или на деревянной вышке.

Папуасы, живущие у залива Астролябии, первоначально погребают покойника в хижине. Некоторое время спустя, вырывают его из могилы, берут нижнюю челюсть и хранят, как святыню, а остальные кости выбрасывают¹.

Обитатели Джильбертовых островов выставляют покойника на показ, пока труп не разложится. Затем кости очищают и зарывают в землю, или сохраняют каким-либо другим способом².

На Андаманских островах карликовое племя минкоти сажает своих покойников на корточки и в этом положении зарывают. По прошествии известного срока, когда окончится процесс разложения, вырывают кости и делят их между членами, семьи. При этом вдова получает череп и носит его на шнурке обвитом вокруг шеи³.

По словам Густава Крейтхнера, в Тибете покойников из более достаточного класса вешают на деревьях посредством петли, накинутой на шею и предоставляют в жертву воронам и другим хищным птицам. Кости бросают в реку, из которой берут воду для питья и кушанья.

Еще более странным способом хоронят тибетцы богатых умерших, хотя способ этот и не подходит под двойное погребение. Труп рубится на мелкие куски, кости толкутся в порошок и смешиваются с dsamba (кушанье из чая, масла и соли), при еде его смешивают с поджаренными ячменными отрубями. Затем смертные остатки выносят в горы и разбрасывают как корм для хищных птиц. Бедняков просто бросают в воду⁴.

Горные племена, живущие в провинции Юн-Нань в Китае, хоронят покойников в земле. Затем вырывают кости, тщательно перемывают их и вновь закапывают. За это китайцы называют их „перемывателями костей“⁵.

¹ Там же.

² Там же, т. II.

³ Там же, т. II.

⁴ Там же, т. II, стр. 590.

⁵ Там же, стр. 673.

У индейцев Восточной Бразилии из племени борото также принято двойное погребение. При вторичном погребении украшенные перьями кости умершего хоронятся в мужском доме с большим торжеством, в котором, однако, определенно видно опасение: как бы покойник не возвратился и не вздумал мстить. Эту опасность стараются предупредить различными способами. Знахари до полного изнеможения шумят погремушками из тыкв и священными трещетками. Затирают следы погребального corteja и т. п.¹.

Не является редкостью и погребение в глиняных сосудах.

Особенно широко применялись урны при кремации. Пепел от сожженного покойника, как обычное правило, собирался в урны. Это практиковалось в самые различные эпохи у народов, стоящих на разных ступенях развития, вплоть до настоящего времени.

Гораздо реже применялись глиняные сосуды при других видах погребения, но и это применение имело место.

Гробы из обожженной глины были у древних вавилонян и ассирийцев. Глиняные саркофаги были в ходу у римлян и даже в Западной Европе в эпоху феодализма до XVI века включительно².

Карфагеняне первоначально (до V в. до н. э.) хоронили умерших или в гробах из кедрового дерева, или в соединенных больших глиняных сосудах³.

Древние хананеяне в некоторых случаях тоже хоронили покойников в глиняных сосудах. Так они поступали с телами младенцев-первенцев, отобранных у родителей и принесенных в жертву кровожадным божествам.

Зеллин при раскопках в Тасенаке нашел у алтаря, вырубленного в скале, 20 больших кувшинов, горлышки которых были закрыты другим кувшином или глиняной тарелкой и которые содержали просеянную землю и скелеты младенцев, большей

¹ Г Бушан. Иллюстрированное народоведение. В. Крикберг. Америка.

² Герман Вейс. История одежды, вооружений, построек и утвари народов древнего мира. М. 1875.

³ Б. А. Тураев. История древнего востока, ч. II, стр. 391. СПб. 1913.

частью новорожденных, но иногда в возрасте нескольких месяцев, но не свыше двух лет¹.

Интересные данные добыты при раскопках древних курганов атлантических индейцев, находящихся в долине Охайо и в штатах при Мексиканском заливе. Покойники погребались частью в каменных дольменах, частью в урнах.

При них находилась каменная утварь неолитического типа, а также медные топоры, широкие ножи и наконечники копий с втулками для древка².

Здесь, помимо погребений в урнах, интересно, что погребальный инвентарь северо-американских дольменов-цист близок к погребальному инвентарю наших северо-кавказских дольменов (неолитические каменные орудия и изделия из меди), как в курганах Майкопа, станицы Царской и пр.

Погребения в урнах имеют место и в настоящее время.

У индейцев южной Бразилии из племени гварани широко распространен обычай погребения в больших урнах, которые и носят название „igaçabas“. При этом довольно часто и вторичное погребение, т. е. погребение костей после того, как мягкие части сгнили³.

Индейцы Чако из племени Чиригуано в момент смерти сильно запикивают умирающего в урну, чтобы не дать возможности душе выскользнуть из тела. Объясняется это страхом перед душою мертвого⁴.

При широко развитом анимизме духи предков представлялись не только охраняющей, но и вредящей силой. От последней можно было оградить себя, если место, с которым связано пребывание души, т. е. останки покойного, будет оставаться в руках человека. Отсюда — хранение костей и прочие обрядности.

Глиняные сосуды в качестве гробов в обычае и у японцев. Японцы⁵ своих покойников сначала обмывают и завертывают в

¹ Там же.

² Г. Бушан. Иллюстрированное народоведение. В. Крикберг. Америка.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Ф. Гельвальд. Т. II, стр. 705.

белую простыню, на которой жрец пишет молитвы. Затем, чтобы придать труп гибкость, его натирают мазями, после чего сгибают мертвецу руки и ноги приблизительно в таком положении, в каком они находятся во чреве матери (так называемое утробное положение) и кладут в цилиндрический гроб, который ставится в глиняную урну, что занимает сравнительно небольшое место.

Примеров погребения в урнах и двойного погребения можно было бы привести еще много, но и сказанного достаточно, чтобы убедиться как в широком распространении обоих способов, часто связанных друг с другом, так и в том, что двойное погребение вызывалось и вызывается религиозными воззрениями, связанными с анимизмом. Повидимому, двойное погребение имеет место главным образом в доклассовом обществе, а если и встречается в более или менее развитом классовом обществе (например, у тибетцев), то только как пережиток более древних верований.

Примеры двойного погребения имеются и на Кавказе. Сюда, должно быть, придется отнести дагестанские, так называемые, „курганы с расчленением“ и некоторые могильники в Азербайджане, раскопанные Ресслером.

Погребения в глиняных сосудах также уже известны на Кавказе.

Е. С. Такайшвили при раскопках в ущельи р. Скра Горийского уезда обнаружил погребения в глиняных гробах в форме яйца с плоским дном¹. Этот способ погребения походит на погребения древних вавилонян. Э. А. Реслер при раскопке в 1897 г. в б. Шушинском уезде огромного кургана насыпи Кала-Тапа нашел глиняные сосуды с погребениями. Сосуды имели больше метра в диаметре и толщину стенок около 2 см. Костяки находились в них в сидячем положении².

А. А. Миллер учел исторические сведения о погребальных обычаях колхов и абхазов XVII и XVIII веков, а также приве-

¹ ОАК. 1896. Раскопки Е. С. Такайшвили, стр. 110 — 112. СПб. 1899.

² ОАК. 1897. Раскопки С. А. Ресслера, стр. 47 — 49. СПб. 1900.

В Самтаврском могильнике у Мцхета Байерн также обнаружил погребения в урнах, но способ погребения не ясен.

денные выше этнографические данные и пришел к выводу, что этим объясняется отсутствие в Абхазии могильников, по крайней мере — туземных.

А. А. Миллер не дооценил указания С. Званбая, что гроб с костями покойника затем предавали земле.

Очевидно, так же поступали и древние колхи. По прошествии некоторого времени кости покойников вместе с их оружием и другими предметами погребального инвентаря погребались в урнах.

Так как при этом курганы не насыпались и вообще погребения не отмечались такими знаками, которые могли бы сохраниться до настоящего времени, то находить их сейчас довольно затруднительно. Погребения в урнах обнаруживаются только случайно.

Конечно, раскопки на месте открытого могильника могут обнаружить и непогребенные погребения.

Таким образом, предположение о принадлежности абхазских погребений в урнах древним колхам не противоречит ни имеющимся историческим сведениям о погребальных обычаях колхских племен, ни этнографическим данным недавнего прошлого абхазов и других народностей.

Находка в эшерских селищах древне-греческой чернолаковой посуды эллинистической эпохи только подтверждает предположение о принадлежности погребений в урнах Абхазии колхидским племенам, так как в эллинистическую эпоху эти племена заселяли территорию Западной Грузии, в том числе и Абхазию.

Само собой разумеется, что принимать этот факт для датировки погребений в урнах, впредь до новых, более тщательных раскопок, которые с несомненностью установили бы совместное нахождение в одном и том же культурном слое античной и местной керамики, пока можно только как рабочую гипотезу.

При принятии этой гипотезы эшерский могильник можно датировать эллинистической эпохой, когда бытовала чернолаковая древне-греческая керамика, т. е. не позднее II века до нашей эры.

Интересно, что Самоквасов на основании иных соображений пришел к тому же выводу. Он признает „большие курганы

с каменными гробницами окрестностей Пятигорска, Железноводска и Кисловодска относящимися ко времени не древнее последней четверти VII века до Р. Х., причем эти могилы он считал древнее могил Кобани¹.

Датировка эшерского могильника не может быть безоговорочно распространена на другие находки кобанской бронзы в Абхазии. Несомненно, что предметы эти бытовали в течение продолжительного периода времени и эшерская находка может относиться к концу этого периода.

Как долго длился этот период сказать трудно.

Достоверные исторические сведения о колхах у нас имеются только со времени существования греческих колоний на берега Черного моря, т. е. с VI—VII в. нашей эры, а что было раньше, этого — сказать трудно.

Отдельные находки предметов „кобанского“ типа могут разделяться довольно значительным промежутком времени. Топоры, найденные в Лабрах (рис. XIV), вряд-ли бытовали одновременно с эшерскими (рис. XVI, 3) и могли быть разделены большим промежутком времени.

Петропавловский могильник производит впечатление более древнего по сравнению с эшерским.

Все, что можно сказать, на основании принятой мною рабочей гипотезы, по поводу датировки — это, что эшерский могильник относится к эллинистической эпохе, а как далеко вглубь первого тысячелетия могут быть отодвинуты другие находки, пока сказать нельзя. Можно только сказать, что хозяевами этих вещей были колхидские племена, жившие в Абхазии. Согласно истории, колхидские племена жили на восточном берегу Черного моря одновременно с существованием там древнегреческих колоний, а потому находки предметов эллинской и эллинистической материальной культуры не только в селищах, но и в могильниках не должны представлять ничего неожиданного, как не являются неожиданными находки греческих изделий в скифских курганах Кубанской области.

Оценивая погребения в урнах с социальной точки зрения, можно сказать следующее: погребения эти, с одной стороны,

¹ Проф. Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М. 1908, стр. 54, 55.

являются индивидуальными, а не коллективными, а с другой — инвентарь их более богат, чем инвентарь погребений в дольменах. Отдельные погребения отличаются друг от друга по богатству инвентаря. Наряду с погребениями, имеющими богатый инвентарь, как, например, погребение в первой урне эшерского могильника, имеются погребения, вовсе не содержащие никаких предметов, как, например, погребения в третьей урне эшерского могильника и погребение, найденное около Гали. Если сюда добавить находку в Сухуме клада из бронзовых слитков в форме плоских топоришков, то получим ряд признаков, дающих основание предполагать наличие частной индивидуальной собственности.

Таким образом, найденные в Абхазии погребения в урнах являются вещественными остатками культуры колхского варианта, относящимися по всем данным к периоду разложения родового строя.

Недатируемые архаические памятники Абхазии.

Архаические памятники в Абхазии не ограничиваются дольменами и колхскими погребениями в урнах.

Существуют еще памятники, которые пока не поддаются какой-либо датировке. К этим памятникам надо отнести Ацангуара (Цанигвары), недавно открытое в Гаграх оригинальное погребение в урнах, и находку в Азанте.

Ацан-гуара (Цанигвары).

Эти, до сих пор еще не разгаданные и никем не обследованные, сооружения встречаются почти исключительно на высокогорных лугах.

Абхазы считают их постройками мифических карликов — ацанов (ацан). По-абхазски ацан-гуара значит „ограда карликов“.

По внешнему виду ацан-гуара это небольшое круглое сооружение, сложенное из плотно пригнанных камней без всякого цемента. Сооружение это имеет вход, расположенный всегда

с востока в виде узкого прохода. Против входа у противоположной стены обычно лежит большая каменная плита. Высота сооружения около 1 м, диаметр около 5 м. Вокруг центрального сооружения имеется круг из камней, расставленных с промежутками диаметром около 20 м. От центральной постройки к внешнему кругу по радиусам идет еще 2—3 ряда камней (см. рис. XXII).

Меньшие ацан-гуары имеют более простое устройство и иногда вовсе не имеют внешнего круга камней.

Ацан-гуары с большей вероятностью можно приравнять к кромлехам. И. И. Мещанинов¹ упоминает о кромлехах на южных склонах Алагеза в Армении, на пастбище Кара-агач близ Аскерана в Азербайджане, а также о сочетании кромлехов с курганами вблизи Гянджи и в Ходжалах (Карабах).

Абхазские ацан-гуары своеобразны и своими двумя concentрическими кругами, сравнительно сложным устройством, входом центрального сооружения, всегда обращены к востоку, более напоминают кромлехи, найденные Болтенко в Усатове, чем кромлехи Армении и Азербайджана. Главное различие с усатовскими кромлехами то, что эти последние скрыты под землей, а ацан-гуары находятся на поверхности.

Во всяком случае ацан-гуары памятники культового значения. Нам почти ничего не известно о религии древних насельников Абхазии, но все же у Нимфодора Сиракузского² есть указание, что „колхи более всего почитают небо и землю“.

Если кромлехи в соединении с курганами являются сочетанием культа солнца с культом горы—неба, то у абхазских кромлехов курган заменяется самой горой. Возможно, потому они и располагаются всегда на склонах и вершинах гор в высокогорных областях.

Встречаются ацан-гуары, главным образом, в Гагринском, Гудаутском и Сухумском районах, в Кодорском их мало, а в Гальском районе о них почти ничего не известно.

Мне удалось зафиксировать нахождение ацан-гуара в следующих пунктах.

¹ И. И. Мещанинов. Кромлехи. Изв. ГАИМК, т. VI, вып. 3.

² В. В. Латышев. Известия древних писателей, т. I, 409.

Гагринский и Гудаутский районы (Бзыбская Абхазия).

1. Выше эстонского селения Сулева, на северном склоне хребта Ахача, на горном пастбище „Каменный баз“ есть несколько а-цан-гуара большого и малого размера.

Попадают а-цан-гуара и в других местах Пиленковского подрайона. У местных жителей они известны под именем „Каменных Базов“.

2. Ачамхахуцра.

Местность Ачамхахуцра находится на южном склоне Бзыбского хребта между селением Отхара и Бзыбью. Здесь, по словам охотника Н. Чачба, находится несколько а-цан-гуара.

3. А-цан-гуара близ горы Мамдзышха.

Между горами Дзыхча и Мамдзышха Гагринского района находится несколько а-цан-гуара. Они разной величины, в середине есть плиты. Здесь в большом количестве находили стрелы и копья, а также нашли рог какого-то ископаемого животного (носорога).

4. А-цан-гуара на горе Рихва.

На склонах горы Рихва, обращенных к реке Лашипсе, расположено несколько а-цан-гуара. Сложены они из небольших булыжников и производят впечатление развалин каких-то строений. Абхазы эту группу а-цан-гуара называют городом карликов.

5. А-цан-гуара на горе Бгаинпе.

На горе Бгаинпе вблизи селения Ачандары Гудаутского района находится группа а-цан-гуара. О существовании ее известно со слов ачандарских охотников.

6. А-цан-гуара на Ах-Ибах.

Ах-Ибах чрезвычайно эффектная гора в виде огромного конуса с закругленной вершиной. Благодаря ее форме она известна так же под именем „Шапки Сефер-бея“ или „Шапки Владетеля“. Гору эту хорошо видно из Нового Афона. Монахи называли ее „Шапкой Мономаха“. Склоны ее довольно круты, местами отвесны, а на вершине находится ровная площадка около 1 га. Там есть группа а-цан-гуара.

7. Гора А-цан-гуара.

Гора, носящая это название находится в 12 км от Нового Афона (Псырцха). Вблизи ее вершины действительно имеются а-цан-гуары.

Сухумский район.

8. Луга Башкапсара.

По сведениям С. Басария, в верховьях р. Бзыби, на лугах Башкапсара на правом берегу реки находятся а-цан-гуара. Местность эта расположена неподалеку от лугов Шхашидза, где находится источник „Нарзана“, пользующийся большой известностью.

9. Гора Большая Хутия.

На горе Большая Хутия, выше селения Правый Генцвиш расположено две группы а-цан-гуара. Одна состоит из двух, а другая из четырех сооружений.

От селения Правый Генцвиш надо идти к пастушьим балаганам Гургиани, а от балаганов, расположенных на границе леса, еще выше по направлению к астрономическому знаку. Здесь находится группа из двух хорошо сохранившихся а-цан-гуара. К западу расположена еще группа из четырех а-цан-гуара, хуже сохранившихся и меньших размеров. У малых а-цан-гуара внутренних стен, идущих в виде радиусов, нет.

10. Гора Малая Хутия.

Несколько а-цан-гуара находится и на горе Малая Хутия.

11. Гора Харва.

На горе Харва против сел. Ажара, на левом берегу реки Кодора, в зоне альпийских лугов есть группа, состоящая из 3 или 4 а-цан-гуара.

12. Марухский перевал.

На альпийских лугах, около Марухского перевала, по словам пастухов сванов, имеются а-цан-гуара.

13. Гора Клыч.

Со слов пастухов-сванов, а-цан-гуара имеются и на горе Клыч, в альпийской зоне.

14. А-цан-гуара в верховьях р. Секена.

Со слов старика-скотовода, жителя сел. Чилоу Джансуха Дзяпш-Ипа, известно, что в верховьях р. Секена имеются два

больших а-цан-гуара. Один в урочище Аджма-Чапара, а другой в урочище Андырхов. Оба эти урочища расположены вблизи перевалов в Сванетию и Кара-чай, одно на правом, а другое на левом берегу р. Секен. Оба а-цан-гуара, как в Аджма Чапара, так и в Андырхове настолько обширны, что в их оградах может поместиться до 200 — 300 баранов.

В настоящее время оба а-цан-гуара сильно повреждены пастухами, а ранее они были высотой до одного метра.

15. Гора Шоудыд.

На высокогорных лугах горы Шоудыд есть группа а-цан-гуара. На них как-то натолкнулась партия разведчиков, искавших каменный уголь и марганец. По словам одного из участников этой партии, ныне умершего, Александра Шервашидзе, эти а-цан-гуара не круглые, как все другие, а квадратной формы.

Кодорский район.

16. А-цан-гуара в сел. Чилоу.

В Чиловском сельском обществе есть а-цан-гуара в поселке, называемом также а-цан-гуара.

17. А-цан-гуара в сел. Тхина.

В окрестностях сел. Тхина есть группа а-цан-гуара небольшого размера. Что касается Гальского района, то на горных пастбищах горы Анара и других а-цан-гуара нет и о них ничего не известно.

Гагринское погребение в урнах.

6 марта 1933 года в Старых Гаграх, в конечном отроге известкового хребта, в 100 м к востоку от дома отдыха имени Орахелашвили, было обнаружено погребение необычного типа.

На него наткнулись при работах Технического Отдела Гагринского Курортного Управления. При этих работах была обнаружена небольшая естественная пещера. Пещера представляла естественную карстовую пустоту с выходом, обращенным на юг. Выход был завален плитой. Размеры пещеры 4×2 м.

В пещере оказалось 4 глиняных сосуда, из которых 2 были доставлены в Гос. Музей Абхазии.

Сосуды (рис. XXII) сделаны из черной плохо обожженной глины (внутренний слой темный, внешний и внутренний — красноватый). Работа плохая и форма сосудов неправильная. Следов обработки на гончарном круге незаметно.

Размеры: первого сосуда (рис. XXII, 1) — высота 24 см, верхний диаметр 21 см; второго сосуда (рис. XXII, 2) — высота 27 см, верхний диаметр 19 см. Толщина стенок обоих сосудов $1\frac{1}{2}$ см.

На втором сосуде (рис. XXII, 2) образовался довольно большой (у основания около 10 см в диаметре) сталагмит. Почти вся нижняя часть сосуда покрыта сталагмитовой коркой.

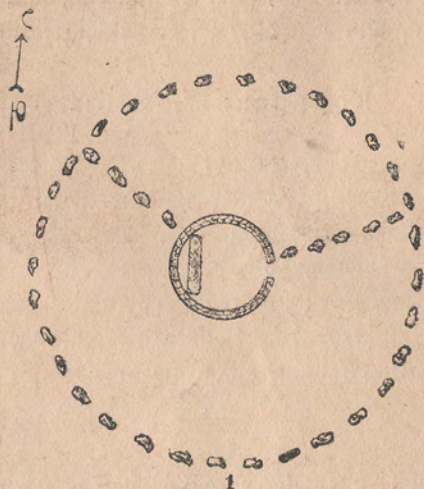

Рис. XXI. План а-дан-гуара на г. Б. Хуття.

В сосудах находились человеческие черепа и осколки каких-то костей. К сожалению, кости не были доставлены в музей, но, по словам лиц, принимавших участие в доставке сосудов в музей, кости обожжены не были. Если это так, то мы имеем редкий случай погребения одних голов.

Дать какую-либо датировку этому погребению пока не представляется возможным, но судя по размерам сталагмита, погребение должно быть очень древним.

В 1926 г. в Азанте (Цебельда), недалеко от дольмена В. И. Стражев видел каменную могилу, в виде квадрата, сторона которого 3 м. По предположению Стражева, в кладку этой могилы могли пойти плиты от разрушенного дольмена.

Аналогичного типа могилу я видел в 1929 году в сел. Поквеши Кодорского района, на участке кр. Пилиа. Могила была уже разрушена и расхищена.

Погребения в такого рода могилах никем не обследовались.

Вороятно, из той же азантской могилы происходят предметы, доставленные в 1926 г. из Азанты в Сухумский музей.

Рис. XXII. Урны из погребений в Гаграх.

Это — три фигурки бычков и крупная угловатая буса. Бычки имеют в длину 5—6 см. В спине у них прорезаны круглые отверстия, как у бычков из известного майкопского кургана, разрытого Н. И. Веселовским в 1897 г. в Майкопе. Рога у бычков длинные изогнутые, как у майкопских бычков, но вся фигурка меньше и легче. Скорее они подходят, за исключением рогов, к тем фигуркам из ст. Старомышастовской, которые также считались бычками, но в которых А. М. Таллгрэн¹ видит коз.

Сделаны эти фигурки из металла, имеющего в изломе серебристо-серый цвет, возможно из серебра.

Датировать эту находку пока было бы преждевременно.

¹ А. М. Tallgren. Zu der nordkaukasischen fruhen Bronzezeit, ESA, VI, 126—145. Helsing. 1931.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии	1
I. Памятники каменного века	5
II. Памятники бронзового века	9
1. Дольмены	9
2. Погребения в урнах	51
III. Недатируемые архаические памятники Абхазии	79

2 руб.

5 500